

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П. Астафьева»
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет
Выпускающая кафедра общего языкознания

Кононенко Наталья Николаевна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**Вербализация категории «Время» в книге Н. Щербы «Часодеи»
и в повести братьев Стругацких
«Понедельник начинается в субботу»
(материалы для факультативного курса в средней школе)**

Направление подготовки 44.03.01 Педагогическое образование
(с одним профилем подготовки)
Направленность (профиль) образовательной программы
Русский язык

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Зав. кафедрой: кандидат филологических наук,
доцент Мамаева Т.В.

09.06.2020г. _____
(дата, подпись)

Научный руководитель: кандидат
филологических наук, доцент Бурмакина Н.А.

09.06.2020г. _____
(дата, подпись)

Дата защиты: 03.07.2020г. _____

Обучающийся Кононенко Н.Н.

22.06.2020г. _____
(дата, подпись)

Оценка _____

Красноярск 2020

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Теоретико-методологические основы психолингвистического подхода к анализу художественного текста.....	6
1.1. Психолингвистический подход	6
1.2. Время в свете интеграции наук.....	10
1.3. Время как категория (концепт) текста.....	14
Глава 2. Структура и анализ лексико-семантического поля «Время».....	17
2.1. Ядро лексико-семантического поля с характеристикой этимологического аспекта концепта «Время».....	17
2.2. Околядерная зона лексико-семантического поля «Время».....	21
2.3. Периферийная зона лексико-семантического поля «Время».....	30
Глава 3. Сравнительный анализ использования универсальной категории «Время» и темпоральной лексики в художественных текстах повести	36
3.1. Категория «Время» в повести Стругацких «Понедельник начинается в субботу».....	36
3.2. Представление понятия «Время» в книге Н. Щерба «Часодеи».....	48
Глава 4. Методическая разработка факультативного курса.....	56
4.1. Реализации функционального принципа на уроках морфологии в изучении русского языка.....	56
4.2. Функциональный принцип в лингвостилистическом анализе художественных текстов.....	62
Заключение.....	70
Библиографический список.....	74
Приложения.....	88

Введение

Одной из главных проблем современной лингвистики является проблема взаимосвязи языка и мышления, которая проявлена в процессах осмысления и интерпретации текста. Способность к восприятию письменного текста и рефлексии на него считается основой грамотности современного человека. Именно на учебный текст возложена функция формирования компетентной коммуникативной личности, мотивированной к творчеству, к инновационной и исследовательской деятельности. Однако, художественный текст часто имеет еще большее воздействие на читателей, а в нашем случае на обучающихся. Неоднократно подчеркнутые Ю.М. Лотманом «принципиальная множественность прочтений», способность «концентрировать огромную информацию на очень небольшой „площади“ текста», способность «коррелировать с читателем и выдавать ему именно ту информацию, в которой он нуждается и к восприятию которой подготовлен», подтверждают определенную уникальность и ценность художественного текста как объекта преподавания, который как в литературном, так и в общем образовании не может иметь адекватной замены [Лотман, 1998, с. 14–285].

Новые возможности решения проблемы восприятия и интерпретации текста связаны с изменением лингвистической парадигмы в сторону антропоцентризма. Антропоцентрическая направленность лингвистических исследований реализуется в научном интересе к когнитивным и психологическим аспектам изучения речевой деятельности и художественного текста. Одно из направлений подобного изучения – исследование способов вербальной репрезентации авторского сознания как организующего центра текста (В.П. Белянин, Л.О. Бутакова, В.А. Пищальникова), в русле которого и выполнена данная работа.

Психолингвистика и когнитивная лингвистика расставляют новые акценты в понимании языка, открывающие широкие перспективы его изучения во всех разнообразных связях с человеком, его интеллектом, со всеми познавательными процессами. Эти направления выходят за рамки собственно лингвистики,

соприкасаясь с логикой, психологией, социологией, философией, что делает чрезвычайно привлекательной работу в этой области. Лингвистика имеет своим предметом исследование лексем, фраз, высказываний и текстов, репрезентирующих в языке и речи определенные понятия, а когнитивная лингвистика нацелена на моделирование картины мира и устройства языкового сознания. Инструментом оперирования при этом становятся *концепты* как совокупность всех смыслов, схваченных словом [Бабушкин, 2001, с.52–57]. Исследуется стороны, слои, компоненты концепта, вошедшие в семантическое пространство языка (т.е. выявляется и описывается совокупность семем и сем языка), категоризация и проявление их в концепте, то есть в участке системы конкретного языка.

Таким образом, **актуальность проблемы исследования** обусловлена вниманием современного языкознания к теоретическим и практическим аспектам отражения в тексте языковой картины мира. В данной работе оно будет представлено на примере выявления средств отражения концепта «Время» и анализа его лексико-семантического поля.

Объект исследования: психолингвистическая категория «Время» в фантастическом художественном тексте. **Предметом исследования** являются языковые единицы, формирующие психолингвистическую категорию (концепт) «Время».

Цель работы: проанализировать средства вербального воплощения категории «Время» в фантастических художественных текстах братьев Стругацких и Наталии Щерба для оптимизации их прочтения и понимания в рамках школьного курса. Цель работы определила **задачи исследования:**

- 1) изучить основные теоретико-методологические положения психолингвистического подхода и концептуального анализа;
- 2) провести анализ лексико-семантического поля концепта «Время»;
- 3) рассмотреть приемы передачи категории «Время» в тексте повести Стругацких «Понедельник начинается в субботу»

4) выявить и охарактеризовать языковые средства проявления категории «Время» в книге Н. Щербы «Часодеи»;

5) обобщить методический опыт по теме реализации функционального принципа в лингвистике и подготовить материалы для факультативного курса.

Материалом исследования послужили тексты Н. Щербы «Часодеи» и А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Выбор данного эмпирического материала обусловлен возможностью в большей степени выявить и продемонстрировать разнообразие стилистических приемов в раскрытии концепта.

Теоретико-методологической основой данного исследования являются достижения отечественных и зарубежных лингвистов и философов в области психолингвистики и когнитологии (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, У. Эко, Р. Барт, Я. Хинтика, Р. Монтегю, Ю.С. Степанов, Ю.В. Руднев, Г.Г. Слышкин, А.В. Бондарко, М.В. Всеволодова, А.П. Клименко, В.В. Морковкин и др.).

Основными методами исследования послужили описательный метод, который реализуется в приёмах наблюдения, сопоставления, обобщения; метод сплошной (из словарей) выборки материала; метод сравнения и аналогий; методы интерпретации текста; контекстуальный анализ и семантический анализ; концептуальный анализ.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется включением современных методов концептуального анализа в школьный процесс ознакомления учащихся с художественным текстом и определением значимости концепта «Время» как глобальной категории всей жизни человека, так и глобальной категории художественного текста.

Структура работы представлена введением, четырьмя главами, заключением, библиографическим списком и приложениями.

Глава 1. Теоретико-методологические основы психолингвистического подхода к анализу художественного текста

1.1 Психолингвистический подход

Психолингвистика как наука оформилась в начале 1950-х гг., но ее корни прослеживаются в трудах В. Гумбольдта, В. Вундта, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Шахматова, И.М. Сеченова, Н.А. Бернштейна, С.И. Бернштейна, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, Н.И. Жинкина и других.

Формирование психолингвистики началось в период информационного подхода в условиях всеобщего стремления учесть идеи общей теории связи. Затем умами ученых овладела компьютерная метафора, осознание несостоятельности которой для объяснения специфики функционирования языка у человека привело к тому, что авторы психолингвистических публикаций последнего времени все чаще обращаются к исследованиям в области нейрологии и моделям познавательных процессов, базирующимся на аналогии с устройством и принципами работы мозга («мозговая метафора») [Фрумкина, 1980, с. 65].

Психолингвистика пережила стадии перехода от изучения внешнего, поведенческого к изучению не поддающихся прямому наблюдению когнитивных феноменов, от акцентирования внимания на слове и предложении к тексту и далее – дискурсу. Наряду с этим чрезвычайно сильной оказалась тенденция к интегрированию результатов, получаемых многими науками, так или иначе связанными с изучением человека и разных аспектов его функционирования в природе и обществе. Все более осозанным и целенаправленным становится исследование человека с учетом постоянного взаимодействия биосферы, ноосферы, этносферы, психосферы. Значительную популярность приобретают идеи биолингвистики, автопойезиса, корпоральной семантики, онтопсихологии, психосемантики, теорий хаоса, синергетики и т.д. [Залевская, 2007, с. 9–36]. Делаются попытки рассмотрения психолингвистической проблематики с позиций естественнонаучных, в том числе, физических метафор [Там же, с. 36].

В целом современную психолингвистику можно условно разделить на четыре параллельно функционирующих подхода: генеративную психолингвистику, когнитивную психолингвистику, коннекционистскую психолингвистику, деятельностьную психолингвистику [Залевская, 2007, с. 9–36]. При этом «психолингвистика в разных ее трактовках и воплощениях в жизнь идет к единой цели – описанию и объяснению особенностей функционирования языка как психического феномена с учетом сложного взаимодействия множества внешних и внутренних факторов при изначальной включенности индивида в определенное физическое окружение и социально-культурные взаимодействия» [Там же, с. 36].

Для психолингвиста очевидно, что язык как система словесных, вербальных значений не является ни демиургом, ни содержанием сознания. Значение (и язык) в традиционно-лингвистическом понимании этого термина оказывается уже психолингвистического понимания, по которому единицей сознания признается предметное значение, а язык в этом случае рассматривается как система значений, способных актуализироваться и в невербальной форме. Еще А.Н. Леонтьев говорил о двойной жизни значений, которые, с одной стороны, входят в социальный опыт или социальную память общества, с другой, составляют неотъемлемую часть внутреннего, психологического мира каждой отдельной личности. «В действительности эти две стороны связаны разнообразными генетическими и функциональными связями»; при этом каждая из них включается в свою систему, «своеобразным мостиком, между которым и выступает значение» [Леонтьев, 2003, с. 125]. Предметные значения, или значения образов, не исчерпывают понятие значения. По А.А. Леонтьеву, существуют, по крайней мере, три вида значений. Имеются в виду также значения операционных компонентов человеческой деятельности как непосредственные свойства этой деятельности – например, социальные роли как значения. Но, говоря о значениях, автор выражает сомнение, что мы имеем в виду действительно. «То, что дано нашему сознанию в непосредственном наблюдении и рефлексии над языком, то в

языке, что предлежит сознанию, ни в коей мере не исчерпывает сущности языка. Односторонне-семиотический и односторонне-лингвистический подходы к языку при всей тонкости анализа принципиально не могут вскрыть его сущности» [Леонтьев, 2003, с. 35]. А.Н. Леонтьев указывал, что смысл – более широкое понятие, чем значение: «значение - своего рода ядро личностного смысла» [Там же, с. 138]. По большому счету конкретный живой человек оперирует смыслами, потенциально и актуально встроенными в человеческую деятельность и отражающими мотивы, переживания, ценности реальных людей [Там же, с. 138–139]. Если принять концепцию образа сознания, выдвинутую А.Н. Леонтьевым [1979] и развитую Ф.Е. Василюком [1993], понятие (личностного) смысла как отражения внутреннего мира индивида, как пристрастного отношения к осознаваемым явлениям, оказывается, по всей видимости, недостаточным, чтобы охватить тот «айсберг» психического, который обеспечивает осмысление языковых единиц, переживание их понятности. С этой целью современная отечественная психолингвистическая наука пользуется понятием концепта, который в посвященных этому явлению работах нередко оказывается синонимичным понятию и языковому значению как лингвистическому объекту, что явно подчеркивает его особость. Причиной смешения является наивная вера в то, что через логико-рациональный анализ языковых явлений, через «расчленение, препарирование, классифицирование, упорядочение в таксономию того, что извлекается из материи языка, абстрагированного от его носителей», «можно непосредственно получить достаточно полное и всестороннее описание образа мира представителей того или иного национально-культурного сообщества» [Залевская, 2005, с. 244].

Новый термин «концепт» понадобился отечественной лингвистике для описания отношения «мышление – слово – действительность» в связи со смещением к функциональной стороне языка, все яснее обнаруживающей, что значение – «функциональное образование с принципиально динамической структурой, способной выстраивать иерархию своих элементов в зависимости от

целей и условий говорения» [Пищальникова, 2007, с. 217]. Это привело к созданию когнитивной модели значения, отражающей представления лингвистов о значении как познавательной (когнитивной/концептуальной) структуре, которая может быть актуализирована любым из составляющих ее содержательных элементов, так или иначе участвующих в познавательных процессах: телом знака, понятием, представлением, предметным содержанием, ассоциацией, эмоцией, оценкой. Как конструкты, лингвистические модели, значение и концепт отражают разные параметры языкового содержания: если значение вычленяет и фиксирует составные части содержания языковой единицы, то концепт моделирует его порождение и функцию [Там же, с. 217–222].

Поскольку психолингвистика подходит к языку как к достойно пользующегося им индивида, а не самодостаточной системе, для строгости использования научной терминологии термин «концепт» следовало бы закрепить за случаями, когда речь идет о концепте как достоянии индивида. Последний следует понимать, как «спонтанно функционирующее в речемыслительной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, отличающееся от понятий и значений по ряду параметров» [Пищальникова, 2007, с. 243]. В то же время широкая распространенность разного рода концептов (культурных, лексических, синтаксических и т.д.) требует хотя бы признания многозначности обсуждаемого термина и важности учета ограниченности применения результатов соответствующих исследований рамками избранного подхода [Залевская, 2005а, с. 243] (см. также [Залевская, 2001а, с. 39, 43; 2001б, с. 30-34; 2002а, с. 15–16]).

У нас нет непосредственного доступа к процессам сознания, и потому моделирование – единственный способ приобретения знаний о феномене концепта [Пищальникова, 2007, с. 222]. Ученому приходится работать с конструктами, со своим представлением о том, что реально происходит в сфере сознания, мышления. При этом результаты моделирования зависят от позиции исследователя – традиционно-лингвистической, т.е. позиции структурной,

описательной лингвистики, лингвокогнитивной или психолингвистической. Однако, если подходить к системе концептов и стратегиям пользования ими как реально действующим функциональным ориентирам и опорам (см. [Залевская, 2005а, с. 258]), то работы со словарями и грамматиками явно недостаточно.

В отечественной психолингвистике содержание темпоральных концептов в качестве образов языкового сознания, их формирование и переработка исследуются в первую очередь с помощью различных видов ассоциативного эксперимента. Полученные ассоциативные поля служат базой для анализа содержания образов языкового сознания в рамках той или иной этнической культуры. Ценность результатов ассоциативного эксперимента объясняется слабой способностью человека управлять своими ассоциациями, что обусловлено автоматическим характером ассоциативных процессов и их связью с рядом физиологических реакций. Варьирование индивидуальных ассоциативных реакций позволяет моделировать динамические аспекты семантики слова и понимания текста [Залевская, 2005а, с. 258].

Современная наука о языке, в том числе отечественная, не является гомогенной (однородной) областью знания с точки зрения существующих в ней теорий и подходов. По нашему убеждению, современные изыскания по проблеме концептуализации *времени* не должны ограничиваться рамками одного направления, для такой работы необходима интегративная основа, охватывающая данные разных дисциплин, составляющих когнитивную науку сегодня: языковедения, психолингвистики, когнитивистики, философии и других. Исследование темпорального опыта у человека должно носить междисциплинарный характер.

1.2 Время в свете интеграции наук

Идея *времени* в сознании человека **изначально увязывалась с движением**, изменением, но не хаотичным, а вносящим в природу и все, что ее составляет, гармонию и порядок. В эпоху античности берут начало субстанциональная и

реляционная концепции *времени*; тогда же наметилась дихотомия «объективное время – субъективное время». Основными качествами *времени* признаются **длительность, последовательность и одновременность**.

Пространство как категория науки выделяется позже категории *времени*. Пространство связывается с порядком сосуществования, а *время* – с порядком последовательности явлений. В концепции *субъективного времени* И. Канта *время* получает приоритет над пространством как непосредственное условие внутренних психических явлений и тем самым косвенно – внешних явлений восприятия, за которыми стоит условие пространства [Кант, 2003, с. 182]. На сегодняшний день в различных науках рассматриваются структуры, представленные пространственно-временными моделями, в которых пространство и *время* оказываются проявлениями и разными сторонами одного и того же неделимого целого, причем нередко доминирует временной параметр, внося в систему элемент динамичности, развития; для объяснения последнего иногда вводятся дополнительные размерности времени. Язык обнаруживает определенную асимметрию между пространством и временем: с одной стороны, мы имеем практическую вездесущность временной референции в высказывании на любом языке, чего нельзя сказать о пространственной референции; с другой стороны, мы зачастую говорим (и думаем) о *времени* не в собственно темпоральных выражениях, а, например, в терминах пространства и движения.

Физика, долгое время развивавшаяся в тесной связи с натурфилософией и метафизикой, пока не достигла единого мнения относительно природы времени, его свойств и причин, хотя во всех построениях теоретической физики *время* является базовым понятием. В физике доминируют математические представления о *времени*, которое измеряется физическими часами и мыслится точками действительной оси [Мауринь, 1996, с. 83–95]. При этом предполагается, что в термодинамических необратимых процессах в реальных открытых системах понятие *времени* должно иметь неклассическое представление. Главный укор физическим теориям времени со стороны других наук естественного цикла

состоит в том, что они не справляются с принципом развития, рассматривая последнее как чисто физический процесс. Недостаточность и парадоксальность физических трактовок *времени* привели к попыткам введения специфических научных «времен»: биологического, геологического, психологического, географического, экономического, социального и других [Левин, 1996, с. 9–27].

В психологии исследуется *субъективное время личности*, данное в переживании. При этом собственное время личности интегрирует объективные временные отношения – природные и социальные. В психологической науке господствует точка зрения, по которой восприятие *времени* отражает фундаментальные свойства независимо от нас существующего реального времени: длительности, последовательности и одновременности. Вместе с тем, психологическое время не является искаженным отражением объективного времени, а выступает собственным временем психических процессов [Любинская, Лепилин, 2002, с. 30–85]. Это означает, что длительность, последовательность и направление событий, происходящих в различных процессах, зависят от содержания этих процессов. Как и органическое время в биологии, психологическое время оказывается зачастую несопоставимым с физическими, эволюционными и социальными процессами.

Лингвистическая наука рассматривает *время* как языковую функционально-семантическую категорию, в которую укладывается вся совокупность способов выражения времени в языке [Чугунова, 2009, с. 319]. Основные категории исследования составляют понятия грамматического времени, которое может быть абсолютным, относительным, метрическим, дейктическим и недейктическим, грамматического вида и способа глагольного действия. Лингвистика в целом принимает ставшую тривиальной физико-философскую модель объективного времени, однако системные отношения в языке и речи не сводимы к линейной модели: темпоральная линия речи преобразуется в синтагматическом ряду в «дерево зависимостей». Такое понимание языковой темпоральности созвучно

концепции полевой структуры языка, что дает системное основание для анализа функций единиц разных уровней языкового строя [Там же, с. 319].

В литературоведческих изысканиях *время художественного произведения* изучается в связи с пространственно-временной организацией (хронотопом) того или иного произведения или доминантным хронотопом в творчестве того или иного автора [Бахтин, 1975, с. 234–407]. Помимо идейной функции художественное время выполняет жанро-, сюжетно- и формообразующие функции; оно также рассматривается в качестве фрагмента индивидуальной авторской картины мира, реконструкция которой может составлять задачу исследования. Противоречивость художественного времени, которое может характеризоваться **многомерностью, дискретностью, разнонаправленностью**, снимается благодаря семантической компетенции адресата, умеющего интерпретировать (часто интуитивно) сложные семантические структуры [Бахтин, 1975, с. 234–407]. Таким образом, отношения между физическим временем и временем литературного произведения также нельзя считать однозначными.

Время оказывается синтетическим объектом, вызывающим много вопросов. Таким образом, мы снова приходим к выводу о том, что для решения противоречий при исследовании природы данного явления должны одновременно привлекаться разные науки: философия, естествознание, история, психология, физиология, биология, лингвистика, логика и многие другие. В качестве платформ для интеграции наук в целях исследования подобных объектов ныне выступают синергетическая парадигма, эндофизика и когнитивная наука, которые объединяются взглядом на природу как на единое целое, где деление на живое и неживое не является абсолютным, но связано с ограниченностью нашего понимания. Человек превращается в неустранимого участника процессов бытия, в абсолютную точку отсчета [Чугунова, 2012, с. 23]. Подлинная сущность *времени* может быть постигнута лишь в результате анализа сложнейших отношений между присутствием человека в мире и пониманием сути его бытия.

1.3. Время как категория (концепт) текста

С того момента, когда человеку становится известно, что перед ним — текст, который ориентирован на то, чтобы его понимали [Брудный, 1998, с.131], человек сразу выходит за пределы непосредственно данного ему в чувственном восприятии текста, так как он понимает не слова, а стоящую за ними действительность [Жинкин, 1982, с. 15]. Сущность восприятия текста состоит в создании у реципиента образа содержания текста, главной характеристикой которого остается предметность: индивид с самого начала оперирует тем, что стоит за текстом [Леонтьев, 2003, с. 263]. Вслед за этим автором мы трактуем формирующийся в сознании и подсознании читающего индивида образ содержания текста как образ стоящей за текстом действительности, которая репрезентируется как образ ситуации, включающий модальные и амодальные характеристики, причем в разные моменты времени и у разных индивидов преобладают различные составляющие образа [Чугунова, 2006, с. 16]. В когнитивной психологии и психолингвистике образ ситуации конкретизируется через понятие ментальной модели или модели ситуации, репрезентирующейся в форме схем, скриптов, сценариев, фреймов и т.д.

Предполагается, что в процессе понимания текста читатель строит в своем сознании не только языковую репрезентацию текста, которая сама по себе является комплексной и включает лексическую и семантическую репрезентации, но и ментальную модель, репрезентирующую стоящую за «телом» текста ситуацию. Люди переводят внешние события во внутренние модели и понимают, манипулируя этими символическими репрезентациями. Ментальная модель — это динамическая репрезентация, имитирующая мир. Считается, что источником ментальной модели является перцепция [Болдырев, 2001, с. 25–36]. Это означает, что для понимания текста как ситуации, описанной языковыми средствами, одной языковой репрезентации недостаточно, необходим доступ в модель ситуации, которая, в свою очередь, должна отвечать уже сформированной в сознании перцептивной модели мира или, другими словами, должна отвечать

мировосприятию читателя. Ментальная модель может включать элементы, соответствующие перцептивным сущностям, и в этом случае она может быть реализована как вторичный, или мысленный, образ. В то же время модель ситуации (далее – МС) может содержать элементы, соответствующие абстрактным понятиям, поскольку большая часть языка выходит за пределы оощуцаемого, и некоторые выражения носят абстрактный характер. Назначение этих элементов связывается с процедурами манипулирования моделями.

В качестве средства выявления МС в ходе чтения текста исследователи рассматривают пропозиции [Болдырев, 2001, с. 25–36]. Образованная двумя первыми элементами предложения, пропозиция имеет особый статус, поскольку она сигнализирует о построении МС. Таким образом, пропозиция отражает некоторый аспект МС, к которой осуществлен доступ при помощи данной пропозиции. Когда речь идет о МС, подчеркивается, что эти формы знаний содержатся в памяти человека еще до чтения текста [Рафикова, 1999, с.36]. Форма существования МС в рабочей памяти во время чтения текста отличается от ее формы в долговременной памяти до момента чтения. В долговременной памяти МС сохраняется как целостная репрезентация, соотносимая с формой знаний концептуального, декларативного характера. В рабочей памяти МС существует в форме процедурных знаний, т.е. операций, при помощи которых строится модель, соответствующая содержанию текста. В отличие от авторов, опирающихся на теорию множественных систем памяти и постулирующих раздельное хранение декларативных и процедурных знаний, Н.В. Рафикова [1999, с. 65] подходит к МС с позиции признания единого характера памяти. При этом она опирается на исследования отечественных ученых, таких как А.А. Залевская [1977, с. 42; 1990, с. 105], Н.И. Жинкин [1964, с. 26–38; 1982, с. 54], Ф.Е. Василюк [1993, с. 5–19] и др. Подобно тому, как с одной словоформой увязывается множество значений, использование одного стимула-идентификатора ментальной модели (значения слова или пропозиции) приводит к одновременному доступу к разным вариантам модели ситуации или даже к разным моделям ситуации. При этом допускается

взаимодействие между репрезентациями отдельных аспектов разных МС, которые в памяти не сохранялись ранее как единый интегративный след. Интеграция моделей протекает не только на уровне отдельных пропозиций. Речь может идти об интеграции некоторых целостных недискретных сущностей [Рафикова, 1999, с. 68].

Анализ различных стратегий идентификации слова, выявленных в разное время представителями Тверской психолингвистической школы на базе ассоциативных экспериментов, позволил исследовательнице сделать вывод о пересечении в пределах одного ассоциативного поля слова разных МС и синтезировать совокупную схему абстрактной МС. Абстрактная структура МС на уровне конкретных («предметных») ситуаций представлена неравномерно, т.е. в ассоциативном значении конкретного слова не только отражены разные предметные ситуации, но и заполнены разные слоты абстрактной МС. Например, в значении слова могут быть отображены признак действия, место действия, а субъект действия не выражен и т.д. МС включает в себя набор признаков-объектов, образующих данную ситуацию, и функциональные отношения между объектами. С точки зрения гипотезы пространственно-временной структуры, необходим учет не только пространственного, но и временного фактора, т.е. МС могут репрезентироваться только как локализованные во времени события.

Глава 2. Структура и анализ лексико-семантического поля «Время»

2.1. Ядро лексико-семантического поля с характеристикой этимологического аспекта концепта «Время»

В праславянскую эпоху слово *время*, скорее всего, состояло из корня **vert-* (того же, что и в глаголе *verteti*, *вертеть*) и суффикса — *men*: **vertmen*. Исходное значение было пространственным: ‘*то, что вращается, вертится*’ или ‘*то, что возвращается в прежнее положение*’. В употреблении этого слова по отношению к временным отрезкам, возможно, отразились представления древних славян о времени как движении по кругу. Интересно, что в древнеиндийском языке было очень похожее родственное слово *vartma* в значении ‘*колея, след колеса*’ с корнем *vart-* ‘*вертеться, кружиться*’. (Этимоны - *колея*, - *след колеса* находят своё отражение в анализе художественного текста братьев Стругацких на стр. 45-48).

Слово **vertmen* подверглось изменениям в результате действия закона открытого слога и тенденции к упрощению групп согласных. В итоге старославянский вариант — *врѣма*, древнерусский — *веремя*. Исконно восточнославянская форма сохранилась в говорах украинского и белорусского языков, например, украинское - *веремий*, - *веремия* — ‘*кутерьма, суматоха*’, *веремя* ‘*погода*’. Эти значения тоже произошли от изначального ‘*вертеть, кружить*’. Таким образом, основные этапы образования современной формы лексемы «время» можно представить так: *vertmen* > *vermen* > *vermę* > *vrĕtę* > *врѣма* > *время*.

Слово *время* относилось к типу склонения существительных с основой на согласный -п (*врѣма* — *врѣмене*) вместе с существительными *бремя*, *племя*, *стремя*, *камы* (*камень*) и др. В древнерусскую эпоху имело значение ‘*пора, определенный отрезок времени*’. Этот смысл запечатлелся и в современном прилагательном *временный*, которое в нынешнем русском языке значит ‘*непостоянный, преходящий, связанный с определенным периодом*’.

Такое современное значение слова *время* как *‘мера длительности всего происходящего и существующего’* отсутствовало в древнерусском языке и развилось позже, к XVII – XVIII вв., в языке науки.

Из народной речи пришел в современный русский язык вопрос: - *сколько времени?* Образован он по тому же типу, что и - *сколько годов?* - *сколько лет?* [Черных, 1999, с. 78].

Этимологический анализ дает лишь одно из представлений о концепте «Время», не освещая все его признаки. Именно поэтому существует необходимость проведения анализа словарных дефиниций и компонентного анализа, что позволит выделить общие семы, формирующие ядро концепта, с чего и начинается структурирование всего лексико-семантического поля «Время», которое в данном исследовании осуществляется с опорой на концепцию Ю.Н. Караулова [Караулов, 1976].

Ядро рассматриваемого лексико-семантического поля составляет полисемант «время». В Толковом словаре русского языка Ожегова С.И., Шведовой Н.Ю. представлено 10 лексико-семантических вариантов имени поля «Время», которые в данном исследовании сведены по принципу общности характеризующих значений к 5-ти:

1. **Одна из форм** (наряду с пространством) **существования** бесконечно развивающейся **материи**, последовательная смена её явлений и состояний.

2. **Продолжительность, длительность** чего-н., измеряемая секундами, минутами, часами. - *Сколько времени* (данная дефиниция совпадает с характеристикой, представленной в рамках этимологического экскурса), *который час?* - *Хорошо провести вр.* - *Вр. не ждёт (надо торопиться).* - *Вр. покажет (будет видно в будущем).* - *Продолжительное вр.* - *Выиграть вр.*

3. **Период** (промежуток, отрезок времени), **эпоха** (мн. ч. в одном знач. с ед. ч.). - *Суровое ~ (времена).* - *С незапамятного времени (времён).* - *На все времена (навсегда).* В период, во ~ существования кого-чего-н. (о ком-чём-н. бывшем в отдалённом прошлом). - *Во ~ времена Петра I.* - *Писатели времён классицизма.*

4. **Определённый момент**, в который происходит что-н. или, наоборот, свободный от чего-н., ничем не занятый. - *Назначить вр. заседания. - В любое вр. дня. - Свободное вр. - Есть вр. поговорить. - Нет времени для прогулок.* Подходящий, удобный срок, благоприятный момент в знач. сказ. - *Не вр. сидеть сложа руки. - Самое вр. обедать.* Пору дня, года. - *Вечернее вр. - Дождливое вр. - Времена года (- зима, - весна, - лето, - осень).*

5. **Грамматическая категория глагола**, специальными формами относящая действие в план настоящего, прошлого или будущего. - *Настоящее, прошедшее, будущее вр. - Причастие настоящего, прошедшего времени.*

В целом толковые словари русского языка полисемантическое слово «время» характеризуют с разных сторон, но все характеристики можно объединить в три основных группы:

I. в философии: объективная форма существования бесконечно развивающейся материи;

II. в грамматике: форма глагола, относящая действие или состояние к прошедшему, настоящему или будущему временам [Ожегов, СРЯ, с. 99]; ср.: *Время.* Грамматическая категория глагола, соотносящая действие (процесс) с моментом речи [Ахманова, СЛТ, 1969, с. 87].

III. в астрономии: система измерения длительности, отображения последовательности сменяемых друг друга событий, в основу которой положен период вращения Земли – *сутки*. Сейчас принято деление суток на 24 равных часа. Существует несколько систем счета времени: местное, всемирное, поясное, декретное и эфемеридное [АЭС, 2001, с. 116–117; 353–354].

В результате анализа словарных статей были выявленные однокоренные (родственные) слова изучаемой лексики, также входящие в состав ядра поля «время»: - *время (предикатив I. о наступлении срока чего-л.; пора), - временной (прил. I. соотносящийся по знач. с суц.: время, связанный с ним), - временный (прил. I. продолжающийся, существующий в течение лишь некоторого времени, противоп.: постоянный), - временность (ж. I. отвлеч. суц. по знач. прил.:*

временный), - *временно* (нареч. соотносится по знач. с прил.: *временный*), - *времена*, - *временами* (нареч. - *иногда*), - *повременить* (сов. неперех. устар. - *медлить*, - *оттягивать*, - *терять время*), - *современник*, - *времечко* (ср. разг. ласк. к сущ.: *время*), - *временник* (м. устар. - *летопись*, *хроника*), - *временищик* (м. разг. 1. *временный житель, работник и т.п.*), - *временищица* (ж. разг. 1. женск. к сущ.: *временищик*), - *временка* (ж. разг. 1. *то, что сделано, построено на время*), - *временисчисление* (ср. 1. *счет времени, летосчисление*), - *временпрепровождение* (ср. 1. *использование времени, способ проводить время*) [Ефремова, 2000]. Эти дериваты дополняют характеристику ядерной зоны искомого лексико-семантического поля, завершая описание основных ее компонентов.

Стоит помнить, что данная категория сочетает как основные значения, отраженные в Толковых словарях, так и сложную природу философского осмысления, выраженную одновременно в многочисленных дефинициях временной лексики. Так, говоря о времени, языковеды оперируют конкретными словами, словоформами, словосочетаниями, предложениями, но у философов отсутствует, по мнению В. В. Морковкина, «какое-либо убедительное логико-философское понимание этой категории» [Морковкин, 1977, с. 51]. При этом автор приводит основные воззрения на категорию *времени*, зафиксированные в истории философии.

1. Время есть важнейшая **форма бытия материи**, выражающая **длительность и последовательность** ее изменений.

2. Время есть частная и конечная **форма проявления абсолютной вечности**, в которой пребывает бог или абсолютный дух, как переходящая длительность бытия всех материальных тел.

3. Время есть **абсолютная, равномерная**, всюду **одинаковая**, не зависящая от каких-либо воздействий и материальных изменений **длительность**, однородная для всей вселенной.

4. Время есть **относительное свойство вещей**, неотделимое от материи. **Порядок последовательности событий**, совокупность отношения длительностей сменяющих друг друга состояний.

5. Время есть форма упорядочения комплексов ощущений и опытных данных; есть априорная **форма чувственного созерцания**; есть внутренняя **основа субъективного существования**, исчезающая вместе с исчезновением личного я [Морковкин, 1977, с. 51].

Автор указывает на то, что во всех приведенных выше определениях «время» объясняется через другие понятия, содержащие в явной или скрытой форме всё то же понятие *времени*, и на то, что имея определенную философскую модель этого понятия, мы можем говорить о нем как о понятийно-лексико-семантической категории языка, наряду с грамматической категорией времени (о которой существует много информации).

2.2. Околоядерная зона лексико-семантического поля «Время»

В околоядерную зону поля «Время» входят определенные синонимичные ряды и антонимические пары.

Антонимы к самому слову «*время*» выявлены не были, но среди лексем темпорального значения *длительности времени* выявлено следующее противопоставление, выраженное антонимами: - *миг* (*м. 1. очень короткий промежуток времени; мгновение, момент*) и – *вечность* (*ж. 1. бесконечное по времени существование материального мира*) [Кузнецов, 2014].

Также анализ словарей позволил выявить многочисленные синонимы: - *пора*, - *период*, - *час(ы)*, - *времена*, - *эпоха*, - *момент*, - *миг*, - *срок*, - *сезон*, - *век*, - *эра*, - *дата*, - *година*, - *старина*, - *годы*, - *наши дни*, - *присест*; - *минувшее*, - *исполнившееся*, - *грядущее*; - *продолжительность*, - *перфект*, - *досуг*, - *шанс*, - *хронос*, - *счастливый случай*, - *самое время*, - *свободное время*, - *дожитие*, - *времечко*, - *сеанс*, - *окно*, - *длительность*, - *прайм-тайм*, - *командирский запас*, - *телевремя*, - *черед*, - *лейдейс*, - *контрсталя*, - *детеншен* и др. [Абрамов, 2002].

Для демонстрации многообразия выстраивающихся **синонимичных рядов** с различными доминантами значения полисеманта «время» мы используем термин «изоморфизм» *темпоральной лексики*, отразив его суть в двух схемах (см. Приложения 1 и 2).

Каждая единица системы языка осмысливается не только сама по себе, но и в отношении к более крупным единицам, в состав которых она входит, и к более мелким, которые входят в ее собственный состав. В языковой деятельности, в процессе функционирования раскрываются внешние связи системы языка, без знания которых ее понимание не может быть полным.

Изучение глубокого взаимодействия языковых средств разных уровней на примере аспектуальности и темпоральности привело советского грамматиста А.В. Бондарко к построению модели функционально-семантического поля, куда входят и лексические, и грамматические средства языка, имеющие общие семантические функции. Поле имеет центр – группу форм, наиболее четко и однозначно выражающих значение данного поля. Вокруг центра, постепенно удаляясь от него, располагаются периферийные формы, через периферию каждое поле вступает, путем пересечений и постепенных переходов в пределы других полей, так что, в конечном счете, все поля образуют одну непрерывную структуру системы языка [Бондарко, 2002, с. 82–85].

Темпоральность (термин Хайдеггера) – *временность*, рассмотренная в аспекте филологического анализа, есть плодотворное основание выявления новых качеств *времени* через оперирование особенностями лексики, речетворения и других сторон языка [Хасанов, 2011, с. 65].

В темпоральной лексике принято различать лексико-семантическую категорию времени (далее – ЛСКВ), лексико-семантическую группу времени (далее – ЛСГВ), лексико-семантическое поле времени (далее – ЛСПВ). Лингвистические словари не все эти понятия включают в реестр лингвистических терминов.

Время глагольное – грамматическая категория глагола, являющаяся специфическим языковым отражением объективного времени и служащая для темпоральной (временной) локализации события или состояния, о котором говорится в предложении [ЛЭС, 1990, с. 89]. Изречение «время – грамматическая категория глагола» (т.е. глагольное время) не покрывает всего разнообразия гамм семантики самого слова «время». Зная только поверхностно материал родного или изучаемого другого языка, можно говорить о *времени* как о лексико-семантической категории, т.е. можно именовать кратко её как «лексическое время» или «лексико-семантическое время», наряду с терминами морфологическое время, синтаксическое время, морфолого-синтаксическое время. Термин «лексико-семантическое время» оправдывается наличием особых слов темпорального характера, например: - *зима*, - *лето*, - *осень*, - *весна* и т.д.

Оценивая в общих чертах характер разбиения обозначений *времени*, исследователи отмечают, что в некоторых своих частях оно весьма напоминает систему временных отношений в том виде, в каком она описывается в грамматиках. На этой основе лингвисты говорят о своего рода изоморфизме лексики и грамматики при отражении временных свойств мира [Морковкин, 1977, с.90]. Этот изоморфизм лексических единиц и грамматических форм можно представить в виде двух схем, где вся темпоральная лексика разделена на два разряда:

1) слова, выражающие абсолютное, т.е. **безотносительное время** (см. Приложение 1. Схема структуры распределения временной лексики. Рис. 1);

2) слова, выражающие **относительное время** (см. Приложение 2. Схема структуры распределения временной лексики. Рис. 2).

При этом слова и словоформы, указывающие на само *время* или *повторяемость во времени*, непосредственно (безотносительно) входят в разряд первый, а понятия, включенные во второй разряд, всегда подразумевают некоторое противопоставление, некую точку или временной отрезок, относительно которых они только и имеют смысл (Всеволодова, 1982, с.25).

Слова, входящие в первый разряд «безотносительное время», могут обозначать повторяемость во времени и длительность.

I. Повторяемость безотносительно к регулярности выражена словами: - *редкий (редко)*, - *частый (часто)*, - *снова*, - *опять*.

Повторяемость относительно регулярности разбивается на обозначения:

1. регулярной повторяемости: - *ежедневно*, - *ежегодно*, - *ежесуточно*, - *ежемесячно*, - *ежечасно*, *ежеминутно*, - *ежесекундно*;

2. нерегулярной повторяемости: - *поутру*, - *утренней порой*, - *временами*, - *время от времени*, - *иногда*, - *подчас*, - *иной раз*, - *по утрам*, - *по вечерам* и т.п.

II. Лексемы, обозначающие длительность, могут выражать ограничение (во времени) или не выражать его:

1. неограниченной длительности: - *постоянный*, - *непрерывный*, - *бесконечный*, - *всегда*, - *навсегда*, - *постоянно*, - *беспрерывно*, - *бесперебойно*, - *всё время* и т.п.;

2. ограниченной длительности, пределом которой является **временная точка**: - *момент*, - *мгновение*, - *миг* и т.п., а противоположен ей **временной отрезок**, который может быть:

1) **неопределенной длительности:** - *промежуток*, - *период*, - *некоторое время*, - *одно время* и т.п.;

2) **определенной длительности**, значение которой могут содержать грамматические формы – до двух часов я буду дома. Из обозначений отрезков определенной длительности выделяются группы, которые

а) **служат единицами счета** времени: - *секунда*, - *минута*, - *час*, - *день*, - *сутки*, - *неделя*, - *месяц* и т.п. и

б) **не служат единицами счета:** - *полчаса*, - *полугодие*, - *двухлетие*, - *трехминутный*, - *вековой*, - *тысячелетний* и т.п. Из числа лексем, не служащих единицами счета есть те, что **выражены ими**: *сорок пять минут*, *сто лет* и др.; и те, что **не выражены в единицах счета**. Из последних четко выделяется группа, обозначающая временные отрезки:

имеющие циклический характер: - *весна, - лето, - осень, - зима, - утро, - день, - вечер, - ночь, - весенний, - утренний, - летом, - днем* и т.п.;

и группа, характеризующая **временные отрезки, не имеющие циклический характер**, включающая в себя:

* **названия праздников:** - *годовщина, - юбилей, - Первомай, - День чего-либо* и т.п.;

* имена, служащие для обозначения временных отрезков определенной длительности, участвующие в **научных таксономиях:** - *эпоха, - век, - пора, - эпоха Возрождения, - античный, - железный век, - азойская эра* и т.п.;

* конечной группой этой ветви считают обозначения временных отрезков определенной длительности, имеющих **обиходно-прикладной характер:** - *урок, - рабочий день, - семестр, - отпуск, - каникулы*, и т.п. [Ожегов, 2008].

Большой интерес для нас также представляет **второй разряд** темпоральной лексики, названный «**относительным временем**» [Всеволодова, 1982, с. 25], из совокупности лексем которого вычлениют две основных группы:

I. общих обозначений временного порядка: - *начало (первый момент или первые моменты какого-нибудь действия, явления), - середина, - конец, - финал (предел в пространстве и во времени), - сначала, - потом, после (спустя некоторое время)*;

II. обозначения, указывающие на время относительно чего-либо. Эта группа, в свою очередь делится на подгруппы, выражающие **1. относительность к действию, 2. к настоящему или 3. к конкретно установленному (некоторому) моменту.**

1. Слова, отражающие **относительность к некоторому моменту**, разбиваются на:

1) **совпадение с установленным моментом:** - *своевременность, своевременный, вовремя, день в день, минута в минуту* и т.п.;

2) **несовпадение с установленным моментом:**

а) **положительного характера:** - *заранее (за некоторое время до чего-нибудь, раньше), - заблаговременный, - загодя* и т.п.;

б) **отрицательного характера:** - *преждевременно, - несвоевременность, - опоздание, - рано, - поздно* и т.п.

2. Слова, выражающие **относительность к настоящему моменту** включают:

а) имена со значением **неопределенного времени** относительно настоящего момента: - *когда-нибудь, - когда-либо* и т.п.;

б) обозначения **прошлого времени (предшествующее):** - *прошедшее, - былое, - прежний, - минувший, - давно, - прежде, - раньше, - некогда, - прожитое (предшествующее настоящему; минувшее время)* и т.п.;

в) обозначения **настоящего времени (одновременное):** - *настоящий, - сегодняшний, - современный, - нынешний, - сегодня, - сейчас, - ныне, - теперь* и т.п.;

г) обозначения **будущего времени (последующее):** - *будущее, - предстоящее, - грядущий, - завтра, - скоро, - впредь* и т.п.

3. Обозначения **времени одного действия относительно времени другого** включают в себя обозначения:

1) **совпадения** во времени двух действий: - *одновременный, - синхронность, - разом, - в то же мгновение* и т.п.;

2) **несовпадения** во времени двух действий:

а) **предшествование** одного действия (события) относительно другого: - *предшествование, - канун, - предрассветный, - раньше, - ранее, - предварять* и т.п.;

б) **следование** по времени одного действия (события) по отношению к другому. И, наконец, последние расщепляются на обозначения

* **нейтрального следования:** - *вскоре, - следование, - послеобеденный, - потом, - после, - затем, - в дальнейшем* и т.п. и

* **безотлагательного следования:** - *безотлагательность*, - *неотложность*, - *срочность*, - *немедленный*, - *незамедлительно* и т.п. [Ожегов, 2008].

Как видно из примеров, наряду с лексическими единицами фигурируют морфологические формы тех или других лексем. Это говорит об изоморфизме темпоральной лексики и грамматики, т.е. об отсутствии качественного различия между уровнями языка, что позволяет применять к их исследованию и описанию одни и те же методы. Лексемы с темпоральным значением в основной форме вступают в синонимичные отношения с грамматическими формами тех же слов: - *по утрам*, - *каждое утро*, - *утренней порой*, - *с утра* [Ожегов, 2008].

Далее мы сформировали группы слов (ЛСГ), в значениях которых выявляется социально обусловленное отражение временных характеристик материального мира (действительности), сюда относятся и те слова, которые имеют темпоральное значение в одном из своих ЛСВ (лексико-семантический вариант). Этот метод описания позволяет наиболее точно представить синонимичные ряды темпоральной лексики.

Слова первой группы обозначают время как реальный факт или объект. В этих словах преобладает значение длительности или промежутков общей длительности: - *день*, - *сутки*, - *год*, - *век*, - *сезон*, - *зима*, - *весна*, - *лето*, - *осень*, - *неделя*, - *понедельник*, - *вторник*, - *среда*, - *четверг*, - *пятница*, - *суббота*, - *воскресенье*, - *детство*, - *час* и т.д. Эту группу принято называть **группой субстантиваторов** (от лат. substantivum - имя существительное). Г.А. Меновщиков назвал эту группу слов «разделом субстантивной лексики», выражающей категориальное временное понятие [Меновщиков, 1986, с. 125]. Длительность времени в значениях слов данной группы устанавливается по естественным ориентирам: положение солнца на небосводе, состояние природы, даты календаря. Соответственно в словарных дефинициях в пределах данной группы можно выявить подгруппы со следующими значениями:

а) длительности в пределах часа: - *минута*, - *секунда*, - *час* и пр.;

б) длительности, выделяемые в пределах суток, характеризующиеся движением солнца по небосводу и солнечным освещением: - *вечер*, - *ночь*, - *день*, - *утро*, - *полночь* и пр.;

в) по состоянию природы: - *холод*, - *жара* и пр.;

г) время, прожитое человеком: - *век*, - *детство*, - *молодость*, - *отрочество*, - *юность*, - *старость* и пр. (при выделении этих слов в особую группу мы учитываем рождение человека, половую и физическую зрелость молодежи (юношей и девушек) и достижение старости);

д) время, связанное с деятельностью и отдыхом человека: - *школьник*, - *пенсионер*, - *отпускник*; - *перерыв*, - *отпуск*, - *отдых*, - *каникулы* (временные отрезки года, связанные с трудовыми процессами: - *пахота*, - *уборочная*, - *страда*);

е) календарное время, обозначающее названия месяцев, дней недели, праздников, обрядов: - *сентябрь*, - *среда*, - *Крещение*. Наряду с отвлеченными названиями времен года (- *зима*, - *лето*), сюда относятся конкретные ориентиры, означающие начало и конец того или иного сезона, например, *зима - с 1 декабря по 28-29 февраля*; *весна - с 1 марта по 31 мая*. Интересно отметить тот факт, что выделение сезонов года можно связать с измерением длительности светлой и темной части суток, что в русском языке передается сложными словами *солнцестояние* и *солнцеворот*, где первым компонентом композитов выступает слово *солнце*.

Кроме субстантивной группы, слова с временным значением могут быть отнесены к **группе корреляторов** (термин Н.А.Потаенко), а по Г.А.Меновщикову - адвербиальной группе. Сюда относятся наречия времени: - *всегда*, - *постоянно*, - *сегодня ночью*, - *в эту ночь*, - *давно* (- *в старину*, - *в прежнее время*.)

«Сегодня», «вчера» и ряд других слов одними исследователями рассматриваются как существительные и относятся к группе субстантиваторов, другими – как наречия – и входят в группу корреляторов.

Таким образом, в значениях слов группы корреляторов отражаются различные виды связей, существующих между явлениями действительности по отношению к моменту действия или речи, ко времени совершения какого-либо события, а также к различным промежуткам времени. Здесь можно выделить следующие подгруппы:

а) слова, в значениях которых содержится понятие настоящего времени: - *сейчас*, - *сегодня*, - *только (что) и пр.*;

б) слова, в значениях которых содержится значение будущего времени: - *будущее*, - *потом*, - *скоро*, - *послезавтра*, - *на четвертый день и пр.*;

в) слова, в значениях которых содержится значение прошедшего времени: - *недавно (- наперед)*, - *давно*, - *в минувшем*, - *в прошлом году и пр.*;

г) слова, со значением продолжительности действий, событий во времени: - *постоянно*, - *ежегодно и пр.*; слова, в значениях которых содержится понятие повторности – *часто и пр.*;

д) слова, обозначающие времена года (как существительное их относят не к группе субстантиваторов, а как наречие - к группе корреляторов): - *зимой (- зима)*, - *весной*, - *летом*, - *осенью*;

е) слова со значением мгновенности: - *вдруг и др.*

Слова: - *быстро*, - *торопливо* отнесены к следующей **группе параметризаторов**. В значениях данных слов отражена временная динамика процессов, действий, характер развертывания действий во времени, дающая количественную характеристику длительности: - *скоро (- живо, - быстро, - сразу, - немедленно, - моментально, - тотчас, - срочно)*. Эти лексемы напоминают также подражательные слова.

Темпоремы могут быть отнесены также к **группе импликаторов**, в них можно выявить неразрывное единство времени и движения, времени и порядка, времени жизненных процессов. Например, слова - *долго (- долгий)*, - *коротко (- короткий)* в нашем сознании характеризуются и в пространственном, и во

временном значениях: - *короткий путь*; - *короткий промежуток времени*, - *короткий век (о жизни человека)*.

Выделенные группы темпоральных лексических единиц позволяют проследить закономерности формирования временной тематической группы (или ЛСГ - лексико-семантической группы), а также выявить общие закономерности в представлении смысловой структуры темпоральной лексики в русском языке.

Становление темпоральной лексики обуславливается взаимодействием содержательной (понятийной) стороны лексем, определенным образом организованных объяснением явлений окружающей нас действительности, а также взаимодействием понятийного содержания с языковым значением слов. Количественные изменения в группах темпоральной лексики идут в направлении от качественного времени (время мы обозначаем по воспринимаемым признакам: движению солнца, фазам луны, состоянию природы) ко времени - объекту, которое имеет свою структуру, свои свойства и качества [Потаенко, 1980, с. 44].

Время как объект (как тематическая группа или ЛСГ) становится предметом изучения именно благодаря вышеописанным критериям. Это направление исследований расширяет данные материалов из толковых, идеографических, этимологических словарей.

2.3. Периферийная зона лексико-семантического поля «Время»

Парадигматические и синтагматические отношения являются основными, наиболее существенными различительными признаками системности современной лексики. Эти понятия, как и понятия парадигматики и синтагматики в целом, связаны с именем Ф. де Соссюра, который сформулировал два основных вида отношений, существующих между элементами языка. Отношения элементов в линейной последовательности Соссюр назвал синтагматическими, отношения, существующие между элементами, как членами различных классов, — ассоциативными [Солцев, 1977, с. 67].

Периферийная зона представлена синтагматическими отношениями полисеманта «время», фразеологизмами с единицами поля и ассоциациями. Исследование осуществлялось путем анализа реакций ассоциативного поля «Время» в Русском ассоциативном словаре (далее – РАС), Русском ассоциативном словаре европейской части России (далее – ЕВРАС), Русской региональной ассоциативной базе данных (Сибирь и Дальний Восток) (далее – СИБАС).

Русский ассоциативный словарь содержит всего реакций на стимул: 103, различных реакций на стимул: 58, одиночных реакций на стимул: 43, отказов: 2.

В ядро (РАС) входят следующие лексемы: *деньги* - 14; *вперед, не ждет, часы* - 5; *бежит, пришло, программа* – 4; *года, идет, телевизор* - 3. Самая частая реакция *деньги* не входит в список основных значений толковых словарей, а происходит от устойчивого выражения «*время – деньги*», которое распространилось из сочинения «Совет молодому купцу» (1748) знаменитого американского ученого и политического деятеля Бенджамена Франклина (1706-1790). Обычно это выражение понимается так: потеря времени равносильна потере денег, поскольку за это время можно было бы их заработать [Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. Вадим Серов. 2003]. Данная ассоциация имеет утилитарный характер, отражающий *время* как основу для материального обеспечения. В целом набор реакций читается как текст: *пока по телевизору идет программа, время не ждет, бежит вперед, чтобы часы и года превратить в деньги.*

Околоядерную зону (РАС) составляют такие единицы, как *летит, московское, пространство, течет* - 2. Реакции *летит* и *течет* коррелируют с одним из основных значений приведенных при анализе толковых словарей и характеризуют *время* как некую продолжительность, длительность чего-либо. Взаимосвязь с *пространством* восстанавливает смысл *времени* как одной из основных философских категорий, что соответствует первому (и одному из самых повторяющихся) значению из Толковых словарей. Реакция *московское* указывает

на возможность локализацию понятия в зависимости от географической обусловленности.

Периферийная зона (РАС) представлена более широко и состоит из одиночных реакций.

Существительные: *бремя, будущее, вечность, секунда, час, утро, скорость, стена, куранты, стремя, тайм, передача, нервов, перемен, надежд*;

глаголы: *вставать, есть, спать, играть, любить, мечтать, лежит, стоит, не стоит, покажет, истекло, подошло, пошло, ушло, шло, не дремля (деер.);*

полные и краткие прилагательные, их сравнительная степень, вводное слово, местоимение: *кончено, ограничено, плохое, позднее, такое, упущенное, свободное*;

наречия: *долго, отдельно*;

словосочетание: *телевизионная программа, программа "Время", друг без друга*.

Нужно обратить внимание, что некоторые реакции являются частью **устойчивых выражений** и **фразеологизмов** со словом время и служат для обозначения многих явлений и вещей, через которые само *время* еще глубже раскрывает свою сущность. *Вр. не ждет; течет вр. (течение времени); вр. покажет; вр. кончено; упущенное вр.; вр. перемен* [Словарь синонимов [Электронный ресурс] © 2010-2020 Словари онлайн Режим доступа <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/articles/B/page-1> (дата обращения 30.05.2020)]. Интересно, что большинство данных выражений является олицетворением: *время* в них наделяется самостоятельной волей.

Обратимся к данным ЕВРАС и СИБАС, сравним их с РАС.

По данным **ЕВРАС** стимул «*время*» содержит всего реакций: 536, различных реакций: 166, одиночных реакций на стимул: 102, отказов: 3.

Ядро (ЕВРАС) составляют наиболее частотные реакции: *деньги 93; часы 81; идет 19; мало 13; года, лечит 10; бежит, вечность, жизнь 9; быстро, программа, спать, час 8; бесконечность, новости 6; есть, летит, ушло 5; идти,*

не ждет, нет, песок, пришло, река, течет 4. В целом значения ядерной зоны совпадают с основными значениями толковых словарей. Однако здесь не просто повторяется уже знакомая нам по РАС реакция *деньги*, а является наиболее частотной из всех. Это характеризует образ жизни европейской части России, как более деловой, сосредоточенный на материальных благах. Восприятие *времени* реципиентами ЕВРАС представлено более широко и разнопланово. Фраза, раскрывающая основные значения ядерной зоны РАС, здесь усиливается и дополняется. Уже обозначенная ценность *времени* отражена в значениях материального мира *деньги* и духовного *лечит, жизнь*; быстротечность представлена такими значениями, как *идет, быстро, не ждет, бежит, летит, ушло, песок, течет, река*; но здесь им противопоставлены *вечность, бесконечность, есть, пришло*.

Следующая группа реакций характеризуют **околоядерную зону** поля «время» (ЕВРАС): *бремя, действовать, дело, день, долго, жить, не хватает, нехватка, новостей, обеда, полдень, суток, уходит* 3; *21:00, бесконечное, быстрое, вечно, вперед, время выбирать, детское, длиться, долгое, ждать, кушать, место, минута, московское, обед, обедать, остановилось, отдыха, передача, покажет, полночь, пространство, секунда, стрелки, сутки* 2. Здесь можно отметить парадигматические связи, широко представленные в словосочетаниях с глаголами: *вр. действовать, вр. жить, вр. уходит*; с существительными: *вр. суток, вр. новостей, вр. обеда, вр. отдыха*; с прилагательными: *бесконечное вр., детское вр., московское вр.* Реакции *московское* 2 и *пространство* 2 точно воспроизводят приведенные данные РАС. Значение реакций околоядерной зоны РАС *летит* и *течет* восполняется в ЕВРАС такими словами как *уходит, быстрое*.

Многочисленная **периферийная зона** (ЕВРАС) состоит из одиночных реакций.

Существительные: *боль, будущее, быстрота, быстротечность, век, вечер, вода, возраст, встреч, движение, действия, жизни, золото, любви, мечта,*

минуты, Москва, ожидание, ожидания, отдых, перемен, полет, потеря, препровождение, путешествие, работа, работы, раздражение, сессии, скорость, сна, судья, тайм, тайна, телепередача, телепрограмма, точность, утро, ход, число, time;

глаголы: *вышло, делать, думать, кончилось, лететь, меняться, мерить, не остановить, отдыхать, проводить, проходит, проходить, прошло, размышлять, тянется, убежать, упустить, утекло, уходить, учить;*

прилагательные: *быстрая, не резиновое, неограниченно, новое, опаздывать, опоздал, остановись, позднее, поздний, раннее, тяжкое, упущено, ясное, быстротечно, скоротечно, долговечно, бесконечно;*

местоимение: *наше;*

наречия: *много, назад, поздно;*

словосочетания: *и место, не деньги, не стоит на месте, от, песочные часы, почти не осталось, канал ОРТ, "ч", 10 часов, 10:35, 12.00, 12:10, 12:15, 18:40, Сальвадора Дали, СССР, телевизионная передача, философская категория, ценность великая, это всё. [Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС, Т. 1 От стимула к реакции; М.: 2014, с.34].*

Реакции периферийной зоны ЕВРАС отличаются особым разнообразием как темпоральной лексики, так и самыми непредсказуемыми сочетаниями семантики и грамматических форм, поэтому наиболее сложно поддаются анализу, хотя в целом отражают значения из толковых словарей.

Наиболее необычные реакции этой зоны демонстрируют взаимосвязь разнообразных сторон жизни, в каждой из которых просматривается категория *времени*. Такие единицы, как *телепередача, телепрограмма, канал ОРТ (Общественное Российское Телевидение — ныне Первый канал)*, предстают как инструменты проявления *времени* посредством ежедневной (циклической) трансляции и фиксации информации о течении дел и событий. *Время «ч»* (время начала военной операции, условное обозначение начала действия войск) —

является профессионализмом и отражает значение конкретно установленного момента (синонимично *час икс*). *Время Сальвадора Дали* – скорее всего имеется в виду одна из самых известных картин С. Дали (испанского живописца, знаменитого представителя сюрреализма) – «Постоянство памяти» или «Мягкие часы» 1931 г. Многие исследователи связывают идею написания этого произведения с популярностью теории относительности Эйнштейна, однако сам автор утверждал, что больше опирался на высказывание Гераклита — «Все течет, все меняется». Сама природа *времени* ставится художником под сомнение: его линейность кажется автору неочевидной, а сложный характер этого явления подчеркивается разнообразием образов на полотне.

В СИБАС стимул «Время» отсутствует, но обнаруживает себя антоним «миг»: *короткий 7; вечность; минута 5; краткий; прекрасный 4; последний; случай; час 3; светлый 2; время; единственный; красивый; непредсказуемый; ничтожный; новый; оказываться; показаться; разочарование; сейчас; следующий; спокойный; счастье; тяжелый; удовольствие; яркий 1.*

Ядро представлено наиболее очевидными реакциями *короткий, краткий*, которые соответствует основному значению стимула (м. 1. очень короткий промежуток времени; мгновение, момент), и реакцией, которая является антонимом к стимулу, *вечность* (ж. 1. бесконечное по времени существование материального мира). «Миг» (временной отрезок) предстаёт здесь как *прекрасный, светлый, красивый, непредсказуемый*, обещающий *удовольствие*, и в то же время как *последний, ничтожный, тяжелый, влекущий разочарование*. Но большинство лексем **ядерной** и **околоядерной зоны** (СИБАС) интересны нам тем, что имеют темпоральный характер, а одной из реакций **периферии** является само слово *время*.

Глава 3. Сравнительный анализ использования универсальной категории «Время» и темпоральной лексики в художественных текстах

3.1. Категория «Время» в повести Стругацких «Понедельник начинается в субботу»

Замысел автора художественного текста должен быть разделен на части, эти части выстраиваются в нужном автору порядке. Этот процесс представляет собой принцип последовательности и длительности, размерности частей, то есть по сути, это и есть принцип времени, реализующий себя в процессе (функции) «раскадровки» текста на главы, абзацы, отдельные предложения, состоящие из слов. Деление общего замысла на части определяет авторская логика, которая может устанавливать связи не линейно, то есть от слова к слову, но сложными логическими переходами, создавая метафоры, аллегории, аллюзии и другие стилистические и художественные особенности текста.

Задача читателя – восстановить этот временной процесс, собирая текст поэlementно, от части к части, от образа к образу в целостную авторскую идею. Таким образом, текст может описывать какой-либо временной отрезок, но сам текст как «множество элементов – слов» организован в единое целое именно категорией (принципом) времени – делением целого на элементы и соединением этих элементов в понятия, суждения, представления, выводы. В теории систем это и называется самоорганизацией.

Как в природе, любое событие, любой организм начинается с семечка, с клетки, содержащих в себе весь изначальный замысел, так и художественный текст уже в названии, то есть в *мгновении*, включает весь сюжет, который будет расти как цветок, разворачиваясь с «разной скоростью лексики» в пространстве слов. Этот принцип некоторые психолингвисты сделали универсальным критерием целостности текста. Текст считается целостным, если его можно «количественно» уменьшить в объеме без ущерба для его основной семантической составляющей (основной идеи текста – концепта). Смысловая и

структурная цельность текста при его «компрессии», сжатии должна сохраняться [Глухов, 2018, с. 325].

Загадочное и удивительное название произведения Стругацких, ставшее популярным фразеологизмом, служит осью, удерживающей тему времени на протяжении всего повествования. Оно отзовется эхом в разных контекстах, демонстрируя «загадочную» природу времени, которое, с одной стороны, наполняет все сферы нашей жизни, прячется за пространственными проявлениями действительности, а с другой – не имеет четкого определения ни в научной, ни в бытовой среде. «Понедельник начинается в субботу» – здесь указаны сразу два календарных обозначения, связанные неоднозначностью отсчета и направленности течения времени. Привычные в обыденной жизни календарные ориентиры в рамках данного предложения сбивают с толку и тем самым задают будущие смыслы и форму всего произведения: текста-загадки, текста-вопроса. Авторы направляют читателей к календарю – древнейшему человеческому изобретению, инструменту, имеющему множество назначений обращения со временем. Лунный, солнечный, галактический календари, задают циклы различных масштабов, определяющих биологическую, социальную, космическую жизнь человека. Название повести служит «покрывалом», за которым скрывается взгляд авторов на проблему неоднозначности этого понятия и их мастерство его языкового воплощения.

Название вводит два противоречащих друг другу плана мысли: 1) читательскую привычную хронологию, где понедельник следует за воскресеньем, и 2) перевернутую хронологию книги, где понедельник неожиданно начинается в субботу. Таким образом, возникают читательские ожидания: что книга не будет следовать правилам повседневной рационалистической жизни. Искажение обычного порядка вещей переворачивает с ног на голову установленные правила. Но все же, в плане обыденной хронологии, у заглавия есть и внутренняя логика: начало недели идентифицируется с субботой, что подчеркивает тот факт, что

воскресенье, день отдыха, пропущено, изъято, исключено – ради постоянной работы.

В каждую из трех частей произведения Стругацкие привносят частичное разрешение конфликта этих двух планов мысли. Один из магов, Виктор Корнеев, бормочет слова, вынесенные в заглавие, в ответ на реплику своего коллеги, Демина, который упрекает его в похищении дивана, а затем вопрошает: *«Вам известно постановление Ученого совета?»*. Ответом служит «угрюмое» высказывание Корнеева: *«Мне, товарищ Демин, известно, что понедельник начинается в субботу»* [Стругацкие, с. 67]. В свою очередь Демин замечает: *«Не разводите демагогию»*. В этот момент значение заглавия все еще остается тайной для читателя. Позже заголовок появляется снова, когда уже другой герой, Роман, пытается уговорить Привалова работать в Институте. Привалов, протестуя, заявляет, что он в отпуске, Роман отвечает: *«Это неважно. Понедельник начинается в субботу, а август на этот раз начнется в июле!»* [Стругацкие, с. 81]. (Сейчас в повествовании конец июля). Здесь снова звучит мысль о том, что время отпуска, отдыха должно быть пропущено ради работы. Но уже прослеживается и альтернативное значение этой фразы: в Научно-исследовательском институте Чародейства и Волшебства время действительно каким-то образом (пока еще не ясно, каким) движется вспять.

Позже мы узнаем, что первым днем нового года в описываемой истории оказался понедельник: *«В ту же секунду Кремлевские часы принялись бить двенадцать. – Ребята! Да здравствует понедельник! ... – Ребята, – робко сказал я, – ночь на дворе... И праздник. Шли бы вы по домам...»* [Стругацкие, с. 130]. И только теперь Стругацкие полностью открывают, что *«Понедельник начинается в субботу»* – лозунг ученых из Института. Это не обычные люди – они маги, связанные особыми отношениями со своей работой и отданному ей времени, приходящие в лаборатории даже под Новый год, т.к. счастье их лишь в постоянном стремлении к познанию окружающего мира: *«Сюда пришли люди, которым было приятнее быть друг с другом, чем порознь, которые терпеть не*

могли всякого рода *воскресений*, потому что в *воскресенье* им было скучно». [Стругацкие, с. 132].

Так фраза возвращается снова и снова, становясь лейтмотивом повествования. Теперь заглавие и лозунг получают связь, которая порождает эстетический шаблон повторения, но каждый раз – семантически различного и с большими смысловыми эффектами. Календарное *время* становится психологическим, включая в себя время общей цели, объединяющей сотрудников идейно и эмоционально.

Но познание и напряженная этическая работа не являются ценностными ориентирами для всех. Так и в Институте *«есть другие. С пустыми глазами. Достоверно знающие, с какой стороны у бутерброда масло. По-своему очень даже неглупые. По-своему немалые знатоки человеческой природы. Расчетливые и беспринципные, познавшие всю силу человеческих слабостей, умеющие любое зло обратить себе в добро и в этом неутомимые»* [Стругацкие, с. 134]. Для этих людей интерпретация лозунга, обозначенного в названии, может выглядеть иначе и тем представлять собой трюк, превращающий понедельник в субботу – как время ничегонеделания и болтовни. Таким образом проявляется амбивалентность лозунга, показывающая его еще большую сложность и семантически соответствующая амбивалентной, если не бесполезной в таком случае, работе самого Института, которая подчеркивается наименованием Института (НИИЧАВО), фонетически приближенным к не вполне правильному произношению «ничего».

В третьей части заглавие «Понедельник начинается в субботу» (далее «ПНВС») приобретает еще одно значение и иной двойственный эффект. Эта часть посвящена загадке директора Института, Януса Полуэктовича Невструева: *«Дело в том, Саша», - сказал Роман, обращаясь ко мне, – «что у нас идеальный директор. Он один в двух лицах. Есть А-Янус Полуэктович и У-Янус Полуэктович. У-Янус - это крупный ученый международного класса. Что же касается А-Януса, то это довольно обыкновенный администратор».*

В последней части повести описана попытка ученых НИИ разгадать феномен Януса Полуэктовича. В конце концов, они осознают, что в будущем А-Янус решит проблему контрамоции (изобретённый братьями Стругацкими термин для обозначения обратного движения во времени, от лат. *contra* против + лат. *motio* движение) и превратится в У-Януса, начав двигаться обратно по оси времени, и признают его поступок, как акт выдающегося самопожертвования. *«И каждую полночь, ровно в ноль часов ноль-ноль минут ноль-ноль секунд ноль-ноль терций по местному времени А-Янус будет, как и все мы, переходить из сегодняшней ночи в завтрашнее утро, тогда как У-Янус ... в тот же самый момент, за мгновение, равное одному микрокванту времени, будет переходить из нашей сегодняшней ночи в наше вчерашнее утро»* [Стругацкие, с. 245]. В воскресную полночь У-Янус будет переходить не в понедельник, а в утро субботы. Таким образом, для У-Януса понедельник всегда будет начинаться в субботу, в соответствии с заглавием книги.

Важно отметить высокую частотность единиц темпоральной лексики, которая была представлена в приведенной выше цитате, и подчеркнуть соответствие проявлений значений временной лексики реакциям, представляющим периферийную зону ЕВРАС ассоциативного поля «Время» (*будущее, движение, минуты, перемен, тайна, точность, утро, ход, число, меняться, не остановить, уходить, бесконечно, наше, назад, не стоит на месте, 10:35, 12.00, 12:10, 12:15, 18:40,*).

В третьей истории «всяческой суеты» авторы вместе с Александром Приваловым размышляют над темой будущего, «страха перед Будущим», формированием Будущего в Мире Гуманного Воображения. Молодые сотрудники Института не просто отгадали тайну Януса, они разгадали тайну времени, которое движется в разных направлениях, и директор объясняет Привалову: *«Постарайтесь понять, Александр Иванович, что не существует единственного для всех будущего. Их много и каждый ваш поступок творит какое-нибудь из*

них...» [Стругацкие, с. 250]. (Эта мысль авторов соотносится с представлением о природе *времени*, изложенной в книге Щербы, и является отсылкой к Теории относительности Альберта Эйнштейна, 1905-1915).

Янус Полуэктович – таинственный директор НИИ Чародейства и Волшебства, является одним из главных персонажей «ПНВС» еще и потому, что авторы подняли его статус, благодаря имени связав этот образ с могущественным божеством древнеримской мифологии.

Янус – божество дверей, имевший два лица или лика, поскольку дверь ведет и внутрь, и наружу. Кроме того повелевал началами, его место в пространстве – входные двери и ворота, его место во времени – начало года, начало событий. Его эпитет Гемин означает Двойной, образ Януса может рассматриваться как выражение единства противоположностей (прошедшее и будущее) и олицетворение всеохватности, власти над всеми сферами бытия. Этот образ воплощает представление о том, что технический прогресс влечет за собой необратимые и зачастую негативные изменения в укладе жизни. Возможно, изначально он выступал как верховное божество, т.к. его имя упоминали первым при обращении к богам. До появления культа Юпитера Янус был божеством неба и солнечного света, открывающим небесные врата днем и запирающим их ночью. В образе Януса присутствуют и космические коннотации. У Овидия Двуликий Янус, как воплощение начала и конца, отождествлялся с хаосом, из которого позже возник упорядоченный мир, а сам Янус из бесформенной глыбы-шара превратился в бога, вращающего ось мира. Существовало также поверье, что Янус царствовал на земле еще до Сатурна и научил людей исчислению времени, ремеслам и земледелию (с этим соотносятся времена золотого века). Янус также был покровителем путников и хранителем дорог [БЭС, 2012].

Так, смысл имени *Янус* охватывает практически все основные значения слова «*время*», выделенные в результате анализа толковых словарей. Имя становится потенциальным хранилищем и источником осмысления сложной категории *времени* как для остальных героев, так и для читателей. Двуликий Бог

Янус дал людям календарь как начало порядка. Читатель должен подумать о смысле календарей, как о принципе длительности и последовательности времени.

Отчество Полуэктович направляет читателя к аналогичным именам, принадлежащим в истории чаще мученикам, реже церковным деятелям или деятелям культуры (см. Приложение 3). Наконец, Невструев, отсылающий читателя к жаргонизму «не в струю», хотя есть выражения «попасть в струю», «вливать свежую струю» [Ожегов, 2000]. *Янус* на протяжении повествования повторяется 129 раз, *Полуэктович* – 41, *Невструев* – только 8. При анализе полного имени данного героя можно проследить замысел авторов: продемонстрировать читателям законы Универсума в диалектике трагедии Неба и Земли, которые на уровне возвышенных «небесных» материй проявляются святыми мучениками и просвещенными Поливектами, а на уровне обычной «земной» жизни не «падают в струю». Двойственное начало Януса означает два процесса, одновременно направленные друг к другу – эволюции и инволюции. В названии оба варианта вероятны: понедельник может начаться в субботу, став субботой, или превратив субботу в понедельник.

Психолингвистические аспекты языка, связанные с *временной* категорией, волновали Стругацких еще в тот период, когда лингвистическая парадигма находилось в начальной стадии переосмысления. Темы, интересующие лингвистов всех направлений сегодня, связаны с отношениями между «означаемым, знаком (в языке это слово) и его значением, понятием и значением, понятием и смыслом. Сегодняшняя полемика между представителями классического языкознания и многочисленными новыми направлениями лингвистики требует очень тщательного исследования и понимания языковедческих проблем, чтобы определить правоту тех или иных положений [Кривоносов, 2012, с. 21].

Научность и псевдонаучность – еще одна из основных тем, которую Стругацкие поднимают в «ПНВС». И это легко встраивается в концепцию отражения художественного времени. С иронией авторы создают комичные

образы, безжалостно пародирующие с одной стороны утрату лучших традиций культуры (олицетворяющих тоску по прошлому), с другой – приверженцев устаревшего уклада, охотно вешающих на себя новомодные этикетки (отображающие устремленность в будущее). Так, например, у хранительницы музея-усадьбы НИИ ЧАВО, *«ворчливой Наины Киевны, голова поверх черного пухового платка, завязанного под подбородком, была покрыта веселенькой капроновой косынкой с разноцветными изображениями Атомиума и с надписями на разных языках: «Международная выставка в Брюсселе»*. Замшелая Щука, живущая в колодце, потеряв зрение и заказав себе очки, размышляет про коэффициент преломления в воздухе, хотя все еще, сильно окая, может сотворить скатерть-самобранку или сапоги-скороходы. Кот помнит только отдельные фрагменты множества разных произведений, но не может вспомнить более-менее цельный текст: *«Диапазон знаний его был грандиозен. Ни одной сказки и ни одной песни он не знал больше чем наполовину, но зато это были русские, украинские, западнославянские, немецкие, английские, по-моему, даже японские, китайские и африканские сказки, легенды, притчи, баллады, песни, романсы, частушки и припевки. Склероз приводил его в бешенство»* [Стругацкие, с. 28].

Традиционно считается, что главный герой «ПНВС» – Александр Привалов, программист, а значит, человек с рациональным математическим образом мышления. Повествование от первого лица создает большую иллюзию правдоподобия и позволяет с большей полнотой выразить авторские чувства и мысли, авторскую позицию по поводу всех чудесных событий, происходящих с Александром. Фамилия его происходит от слова *привал*. (см. Приложение 4) Исходя из словарных значений [Кузнецов, 2014] этого слова, можно сказать, что привал – это остановка, отдых во время путешествия. Тогда фамилию Привалов можно трактовать как *сделавший остановку в пути*, а НИИ как *место привала*. Всё это соответствует сюжету и насыщает основную сюжетную линию дополнительными оттенками смысла, косвенно касаясь ключевой темы нашего исследования.

Ночью в музее-усадьбе «Изнакурнож» Привалов разговаривает с «голосами», вспоминающими то «*Дух или Нравственные Мысли Славного Юнга, извлеченные из nocturnal его размышлений*», то цитирующие Упанишады, неизвестно откуда взявшиеся: «*Все – единое Я, это Я – мировое Я. Единение с неведением, происходящее от затмения света Я, исчезает с развитием духовности*». Тема первой истории – сравнение «наружного», объективного опыта любознательного Привалова с *временем* психологическим, внутренним, когда герой переживает странные состояния, вызванные пока не понятными ему причинами. Тем не менее, выводы, которые делает Привалов из своих приключений, определяют все ту же авторскую позицию настоящих исследователей: «*А поэтому главное – думать. Как Паскаль: «Будем же учиться хорошо мыслить – вот основной принцип морали!»*» [Стругацкие, с. 37].

В период творчества Стругацких существовала цензура — контроль советских и партийных органов СССР над содержанием и распространением печатной продукции, с целью подавления всех источников информации, альтернативных официальным, ограничения либо недопущения распространения идей и сведений, считавшихся вредными или нежелательными. Не всякая, порой даже самая безобидная, мысль могла быть свободно высказана. Основные средства художественной выразительности ушли в область переносных значений – метафор и аллегорий. Это неизбежно отразилось на языке писателей того времени, стимулировало их на поиск различных стилистических приемов.

Например, принадлежность героев к определенному времени (эпохе) у Стругацких выражена в их манере речи. Говорливость, многословность, полуграмотность сказочных персонажей противопоставлена сдержанности, вежливости, лаконичности выражений Привалова – героя «ПНВС» нового времени. Речь «музейных персонажей» наполнена устаревшей и просторечной лексикой: – *ташшит*, - *подохну*, - *скудость бабья*, - *колодезь*; частым употреблением фразеологизмов и идиом: - *к малым детушкам*, - *года мои не те*, - *глаза девать некуда*. Привалов преимущественно оперирует нейтральной

лексикой и простыми синтаксическими конструкциями: «- *А как вы делаете ваши чудеса?*» «*Нет, почему же*», – *сказал я вежливо*». Часто обходится монологической речью «про себя» – соответственно, больше думает, чем говорит.

Отметим также любопытный авторский композиционный прием: любая тема раскрывается в небольшом абзаце на трех уровнях смысла: за обычным повествованием скрывается метафора, а за ней аллегория. Выберем фрагмент художественного текста:

«1) Я приближался к месту моего назначения. 2) Вокруг меня, прижимаясь к самой дороге, зеленел лес, изредка уступая место полянам, поросшим желтой осокою. 3) Солнце садилось уже который час, все никак не могло сесть и висело низко над горизонтом. 4) Машина катилась по узкой дороге, засыпанной хрустящим гравием. 5) Крупные камни я пускал под колесо, и каждый раз в багажнике лязгали и громыхали пустые канистры».

Разберем текст на микротемы, проанализируем предложения.

1. «Я приближался к месту моего назначения».

Повествование о первом лица позволяет выразить внутреннее состояние и переживания героя. Категориальное значение формы прошедшего времени у глагола несовершенного вида реализуется в частном грамматическом значении, действия в постоянном протекании, создавая ощущение длительности происходящего. Слово *место* может означать как пространство, часть пространства, так и роль, значимости роли. Второе существительное – в предложении – дополнение – «*назначения*» уточняет смысл «места»: значимость роли, которую предстоит сыграть, значимость миссии, которую предстоит выполнить в назначенном месте. Будет ли это просто предполагаемая встреча с друзьями туристами или у каждого есть предназначение судьбы, умеющей создать повод, чтобы попасть в нужное место. Надо также учесть, что это предложение – цитата из повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка», первая строка из второй главы «Вожатый».

2. *«Вокруг меня, прижимаясь к самой дороге, зеленел лес, изредка уступая место полянам, поросшим желтой осокою».*

В этом предложении главным действующим персонажем выступает «лес», который зеленеет. Два деепричастных оборота раскрывают дополнительные действия «леса», который то прижимается к дороге, то уступает место полянам. Дорога – путь – способ – движения героя, окружена зеленым (незрелым) лесом (знак дремучести, природности), изредка уступающим место полянам (открытое пространство, где больше свободы), но поляны заросли желтой (уже перестоявшей и непригодной для еды животным) осокой, растущей преимущественно на болотистых почвах.

3. *«Солнце садилось уже который час, все никак не могло сесть и висело низко над горизонтом».*

Опять та же форма прошедшего времени у глагола несовершенного вида подчеркивает действие постоянного протекания, не достигая завершения.

Слово «уже» выступает как усилительная частица в сочетании со словами «который час», продолжая создавать темпоральный эффект замедленности, невозможности завершиться. В предложении идет повтор «садилось, не могло сесть, висело». Солнце – источник жизни для земли и для землян, как бы хочет сохранить свой свет как можно дольше, но ему приходится висеть низко над горизонтом. По мнению некоторых исследователей, данное предложение является аллюзией, скрытой отсылкой к тексту М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: глава «Казнь». («Итак, прошло со времени подъема процессии на гору более трех часов, и солнце уже снижалось над Лысой Горой, но жар еще был невыносим, и солдаты в обоих оцеплениях страдали от него, томились от скуки и в душе проклинали трех разбойников, искренне желая им скорейшей смерти...И когда побежал четвертый час казни... у подножия, не осталось, вопреки всем ожиданиям, ни одного человека. Солнце сожгло толпу и погнало ее обратно в Ершалаим.) В этой главе описана казнь человека, рождение которого принято соотносить с началом

современного летоисчисления, что напрямую касается смыслового проявления в тексте категории «Время».

4. «Машина катилась по узкой дороге, засыпанной хрустящим гравием».

Простое и понятное всем предложение все с той же формой глагола, повествующее о ситуации, которую каждый человек проживал. Здесь продолжает тему незавершенности. Слово машина имеет много значений: искусственный мир, создаваемый человеком, любое механическое приспособление, государственная и военная машина. Дорога может быть узкой, казаться узкой по разным признакам: узость государственной идеологии и политики, узость технократического пути на дороге жизни, узость восприятия человеком самого себя как машины для исполнения ограниченных функций. Гравий – раздробленный камень. Вспомним, что есть разные камни: драгоценные и полудрагоценные. Камень является символом нерушимости законов Бытия – «Твердь Небесная». Под «Твердью Небесной» также понимают небесные тела – звезды и планеты, управляющие жизненными циклами на земле.

Хрустящий гравий – мелкие заботы, простые бытовые задачи на дороге жизни, упрощенные представления о смыслах человеческой жизни, моральной и нравственной ответственности человека перед жизнью.

5. «Крупные камни я пускал под колесо, и каждый раз в багажнике лязгали и громыхали пустые канистры».

Здесь в одном сложном предложении два простых. Первое продолжает тему предыдущего, второе представляет собой оценку темы всего фрагмента. Темпоральность повествования сохраняется: продление и незавершенность. Крупные камни как целостные смыслы пускал под колесо (циклы, повторяемость темы, сюжета в жизни и ее периоде). Багажник – место хранения нужного в пути инвентаря, запасов топлива и провизии, груза, который нужно довести к месту назначения. В багажнике лязгают и громыхают (т.е. навязчиво напоминают о себе) пустые канистры: прежнее содержимое утрачено, потеряло смысл, но пустота настойчиво требует нового наполнения.

Интересующая нас **тема проявления времени** в данном отрывке раскрывается в многочисленных смысловых взаимосвязях средств выражения. Даже не рассматривая подробно синтаксис и грамматику, в каждом предложении мы находим лексемы, так или иначе возвращающие наше внимание к теме *времени*.

Например, у глагола – ***приблизился*** одним из значений является – стать близким по времени, надвинуться, наступить, достичь какого-л. момента. - *Приблизился к старости.* - *Разговор приблизился к концу.* - *Трагедия приблизилась к развязке.* [Кузнецов А.С. Толковый словарь] Слова: - ***изредка***, - ***уже который час***, являются примерами отражения двух категорий безотносительного времени: повторяемости и длительности. - ***Желтая осока*** указывает на время года в момент повествования, это середина июля, когда солнце входит в полную силу и сушит стебли растения, от чего они приобретают желтый цвет. Фраза - ***солнце садилось*** напрямую указывает нам на вечернее время действия. А такие слова как - ***вокруг***, - ***солнце***, - ***катилась по дороге***, - ***под колесо*** – соотносятся с значением, указанным при этимологическом анализе и перекликается с этимонами лексемы «время»: - ***вертеться***, - ***кружиться***, - ***колея***, - ***след колеса***.

3.2. Представление понятия «Время» в книге Н. Щерба «Часодеи»

«Переосмысление» *времени*, о котором Стругацкие говорили, как самые передовые представители мыслящей интеллигенции в эпоху социализма, теперь, спустя полвека после публикации «ПНВС», выросло в необходимость. И уже для Наталии Щербы тема *времени* является естественной и актуальной, поскольку перед поколением ее читателей стоит проблема выбора стратегий будущего в момент сочетания сегодняшних достижений, возможностей и неопределенности их применения. «Неопределенность, вызванная глобализацией, является неизбежной. Но то, что мы не должны забывать, – это флуктуации, которые определяют ту ветвь, по которой пойдет развитие после точки бифуркации. Этот призыв к индивидуальному действию, которое сегодня в гораздо большей

степени, чем когда-либо, необязательно обречено остаться ничтожным и кануть в лету" [Пригожин, 1989, с. 3–19], Наталия Щерба положила в основу сюжета ставшей популярной серии своих книг.

«— Будущее имеет множество моделей, — пробубнила она в подушку. — Так называемых вероятностей. Их тысячи. Астариус может свободно путешествовать по вероятностям, но какая из них произойдет на самом деле, он не может предугадать, как и любой часовщик. Только от человека зависит, какое у него будет будущее. Но варианты вероятностей будущего узнать можно. Особенно если умеешь так ловко перемещаться во времени и пространстве, как великий Астариус. Понимаешь суть?»

— Кажется... — Василиса задумалась. — Допустим, передо мной тысяча разных книг. Я протягиваю руку к любой из них — это и есть вероятность. Значит, передо мной тысяча вероятностей, тысяча протягиваний руки к разным книгам. Но вот какую книгу я точно возьму в руки — узнаю только я. И то после того, как возьму.

— Молодец, соображаешь, — улыбнулась Диана. — Только учти: ты можешь вообще не выбрать ни одну из книг, и это будет тысяча первая вероятность... А если брать будущее в более широком диапазоне, ты можешь даже не подойти к этому столику с книгами, а выбрать... столик с яблоками. И тогда книжного столика вообще не будет в твоей жизни — яблочная вероятность заменит книжную...» [Щерба «Часовой ключ», с.251] (Отсылка к Теории относительности 1905-1915, интерпретация основных направлений современных научных исследований природы времени, вектором которых послужили открытия А. Эйнштейна).

Книги Н. Щербы так и называются – «Часодеи». Часодеи – это создающие время, управляющие временем. Семантика этого понятия, вероятно, строится по аналогии со словом «чародей». «Чародей» – это сложное, двухосновное слово. Восходит к * čar-o- (см. чары) и * dě-j-ь (← * dějati ‘делать’, ‘производить’) [Популярный словарь русского языка. А.П. Гуськова, Б.В. Сотин. 2003]. Автор

соединяет в неологизме [час-о-дей] ключевые понятия *времени*. Слово *час* в русском языке имеет много значений и производных слов, указывающих на мерность, длительность, функциональность: - *час*, - *часовой*, - *часить*, - *часовать*, - *часовщик*, - *часозвон* (см. Приложение 5). *Действие*, *действовать*, *деяние* – слова, обозначающие изменение состояния, т.е. процесс, имеющий длительность времени. (см. Приложение 6) Слово «*деизм*» – название религиозно-философского учения, признающего бога, как разумное существо, создавшего реальный мир, но отрицающего вмешательство в естественный ход вещей. (см. Приложение 7 [В.И. Даль. Толковый словарь русского языка]).

Главную героиню «Часодеев» зовут Василисой. Что перекликается с образом Василисы Премудрой (Прекрасной) – персонажем русских народных волшебных сказок. В большинстве из них Василиса Прекрасная – дочь морского царя, наделенная мудростью и способностью превращения. Тот же женский образ выступает под именем Марьи-царевны, Марьи Моревны, Елены Прекрасной [БЭС]. Это объединяет образ данной героини с «музейными» сказочными персонажами повести Стругацких.

Василиса Огнева наделена способностями к «*часованию*» (из контекста: к взаимодействию со временем, к управлению им), но в начале произведения она об этом не знает, а лишь наблюдает порой (*в полнолуние*) признаки своей непонятной еще волшебной способности. *«Василиса радостно прокрутилась вокруг себя. И тут же пространство вокруг нее озарилось тысячей сверкающих искорок, как будто разом взорвалось несколько десятков новогодних хлопушек. Эй-эй, сегодня же полнолуние! Приглядевшись, Василиса с изумлением увидела, что вокруг нее кружатся* (данная зарисовка иллюстрирует связь с такими этимонами как - 'кутерьма, - суматоха', 'вертеться, кружиться') *серебристые и золотые цифры. И даже огненно-красные!...*

Она всплеснула руками, но из ладошек вырвался на волю еще один веселый сноп цветастых цифр, причем алых заметно прибавилось...» [Щерба «Часовой ключ», с. 42].

О своих способностях «*часоватъ*» не знают и другие дети на обычной Земле, в тексте произведения она названа – Остала (можно проследить созвучия «отстала», «остыла»). По сюжету Земля расколота во времени с помощью промежутка в сто часов на две неравные части: «отставшую» Осталу и более преуспевающую Эфлару, где живут люди-часовщики, умеющие сотрудничать со временем, создавшие для своих детей часовые школы (более точная этимология и орфоэпия этих слов автором не приводится). Разделение *во времени* здесь предстаёт как отставание в уровне осведомленности, и, как следствие, в качестве просвещения и образования.

— *А что такое вообще эта **временная петля**? — ужаснулся Лешка.*

— *Расселина в пространстве, — тут же пояснила Черная Королева. — Небольшой сгусток времени... Для его создания надо много силы, но в целом это довольно просто: **остановить часы** определенного события, **переставить временной код**, а **после вернуть** его на место... [Щерба «Часовой ключ», с. 341].*

Наталия Щерба живет и творит в эпоху совершенной свободы самовыражения, независимости слова и мысли. Отчасти от переизбытка информации нынешний читатель-подросток переживает некий новый феномен, а современный автор сталкивается в его лице с представителем клипового мышления. Информация, которой оперируют читатели, становится более плоской, лежащей на поверхности и из-за этого менее выразительной, а язык более буквальным и бледным, наполненным стертыми метафорами и штампами. Повествование «Часодеев» насыщено малосодержательными однообразными диалогами, демонстрирующими незамысловатость синтаксических конструкций и однотипность словаря. Согласно трудам М.Н. Кожиной, это всё является признаками стилистической бедности речи.

Так, вся «метафорическая» методология постижения *времени* в книгах Н. Щербы построена, помимо самой лексемы «*время*», на одном только ключевом слове «*час*». Час – основной размер привычного календарного времени. В тексте

это слово звучит 823 раза, входя в состав знакомых слов – *сейчас*, - *счастье*, - *часть*, а также в «метафорические» авторские - *часование*, - *часодействие*, в которые автор вкладывает понятие «конкретизации вероятности события», формулировку намерения, одновременной концентрации воли на выбранном варианте для достижения желаемого состояния, результата. «*Часование*» предполагает возможность выбора масштаба пространства (уменьшение или увеличение размеров), изменение плотности пространства (скорость прохождения сквозь плотные объекты, скорость создания плотных предметов), через что и раскрываются основные функции *времени*, т.е. функции последовательности и длительности.

Несмотря на единообразие выразительных средств, в тексте произведения прослеживается целостность структуры постижения категории *времени*, отдельные уровни которой отражены лексически в качестве представленных далее неологизмов. *Часовщик* – постигающий время; *часодей* – достигший мастерства в искусстве управления временем; *часовые школы* – где наставники передают свое мастерство ученикам; *часовые степени* – уровни мастерства и посвящения в искусство управления временем; *часовые листы* – инструменты управления временем, аналогичные запасам оперативной памяти; *часовые стрелы*, *эферы*, *часования* – искусство формулировки намерения; *часовые поля*, *старочасы* – поля общей памяти, откуда исходит опыт предыдущих поколений, куда складывается опыт прожитой жизни.

— *Это часовая стрела*, — гордо произнес Норт. — *Без нее часовщику никуда...* Конечно, я пока не умею так **быстро** ее выхватывать из браслета, как Марк, но **скоро** научусь. В основном она помогает работать со **Временем**, но и как оружие годится.

— *Сейчас* я вызову свой **часолист**, — продолжал Норт, гордо выпрямившись. — *Смотрите!*

Часовая стрела в его руке описала круг, **тут же** вспыхнувший золотым кольцом. Из него, словно из отверстия люка, выплыла тонкая черная книга с

торчащей из-за плотных страниц закладкой-шнурком с золотой кисточкой. Норт бережно взял книгу в руки и поставил на колени, повернув к себе таким образом, словно собирался смотреть детскую книжку-театр, то есть торцом от себя.

*На обложке красовался яркий золотой обод **циферблата** с тонкими золотыми цифрами и одной **стрелкой** — по всей видимости, **часовой**.*

*Норт приложил свою **стрелу** на место **минутной**. **Обе стрелки** вздрогнули и **завращались**, книга раскрылась [Щерба «Часовой ключ», с. 110].*

Недостаточность или отсутствие у детей абстрактных понятий должны быть компенсированы творческим потенциалом, воображением, сходным с мифологическим мировосприятием, способным мыслить метафорами, семантическими пучками, при котором явление включается в различные ассоциативные связи в нем ассоциативными полями или бинарными оппозициями [Ковтун, 1999, с.33–34]. Развитие творческих способностей детей подразумевает развитие образной памяти, всех органов чувств, обучение разным видам тотального и локального внимания, т.е. категориям осознания себя во *времени*.

«Время — это всего лишь четвёртое измерение, маленькая точка на конце часовой стрелы длиной в мгновение, шириной в бытие, высотой в бесконечность» [Щерба, «Часовое сердце», с. 1]. ««Переоткрытие времени» как четвертого измерения – тема последних десятилетий» [Пригожин, 1989, с. 3-19]. Что может значить предложенный Нобелевским лауреатом – Ильей Пригожиным термин «переоткрытие времени» для нового поколения? На этот вопрос и пробует ответить в своем произведении Н. Щерба. Возможно, он означает пересмотр ценностных человеческих категорий, и, как следствие, перенос их из чувственных и эмоциональных сфер в область большего осмысления.

Если мы начинаем рассматривать события с позиции *времени*, то нам нужно согласиться, что *время* есть организатор события в пространстве. Оно создает пространство как бесконечность мгновений. Так, *время* создает звуки, которые записываются знаками-буквами, их очередность рождает слова. *Время* организует

последовательность всех слов в тексте, вплетаясь в узоры предложений согласно правилам грамматики. В этом смысле время управляет языком: лексикой, семантикой, синтаксисом, логикой текста. Причем, изначально определяя взаимосвязь философских (языковых) категорий, время задает саму структуру будущего пространства слов, используя для этого существительные, глаголы, прилагательные, наречия. Время есть текст, потенциальный и актуальный. Ближе всего ко времени концептуальному – текст, записанный в виде ритма, поэтому поэзия стоит выше всех в иерархии словесных искусств.

Приведем отрывок из книги «Часодеи», который может проиллюстрировать вышеизложенный аспект психолингвистики в представлении автором категории «Время»:

Время (читай: слово или текст) открывает нам большее видение мира, дарит новую степень свободы.

Время (читай: слово или речь) — это явление и тайна одновременно, оно рождается из нашей связи с вещами. Это процесс, его можно замедлять и растягивать, останавливать или ускорять.

Часовицик повелевает временем (читай: словом) при помощи особого дара, измеряемого в часовых степенях (читай: языковой грамотностью).

Самая низшая — третья часовая степень, она позволяет управлять временем только с помощью простого пожелания (простой формулировки).

Вторая часовая степень добавляет возможность подчинения Времени одной лишь силой мысли (способности мыслить идеями, концептами).

Первая часовая степень дополнительно включает в себя великую силу чувств (здесь надо иметь в виду диалектику логики и эмоций), позволяющих превращать наши желания и стремления во что угодно.

И только высшая степень часодействия дарит чувство предвидения, возможность верного выбора в бессчётном количестве вероятностей будущего и прошлого. Часодей высшего уровня повелевает сразу четырьмя уровнями свободы: разумом, чувствами, действием и интуицией.

Запомни, часовщик: всё равно, с какой степени ты начал, главное — к чему ты в результате придёшь. Ведь познать истинные законы Времени сможет лишь тот, кто имеет свободную волю — обладает смелостью, решительностью, выдержкой и целеустремлённостью [Щерба «Часовое сердце», с. 1].

Мечты Стругацких о том, *«что через десять-пятнадцать лет любой школьник будет лучше разбираться в теории относительности, чем современный специалист... и... для этого совершенно не нужно понимать, как происходит искривление пространства-времени, нужно только чтобы такое представление с детства вошло в быт и стало привычным»* [Стругацкие, с. 105], сегодня в жизнь воплощает Наталия Щерба, рассказывая детям, что *«в мире всё подчинено Времени. Время — это сила, уравнивающая добро и зло, хранитель гармонии и порядка...»* [Щерба «Часовое сердце», гл. 7, с. 17] и обозначая тем самым основной замысел и пафос обоих произведений.

Глава 4. Методическая разработка факультативного курса

4.1. Реализации функционального принципа на уроках морфологии при изучении русского языка

Теоретическую основу факультативного курса и научную базу реализации функционального принципа изучения единиц языка составляют функциональная грамматика и стилистика текста, что позволяет определить новое содержание обучения как *знания* о роли грамматических форм в тексте и *умения* определять текстообразующую и изобразительно-выразительную функции словоформ и воспроизводить их в (ре)продуцируемом тексте.

Функциональный принцип в изучении морфологии начинает осуществляться в момент включения в уроки нового содержания – функций грамматических форм в тексте, и реализуется на протяжении всего последующего обучения, что позволяет усилить линию формирования ценностного отношения к языку. Если мы будем рассматривать язык как искусство, то выделяемые для анализа грамматические формы будут выступать не просто «стилистическими особенностями», а воплощать в себе вторую, образную действительность, которую искусство слова открывает в действительности реальной.

В методике, отражающей функциональность единиц языка (М.Т. Баранов, А.Ю. Купалова, В.В. Бабайцева, С.И. Львова, Т.К. Донская и др.), дидактической единицей является текст. Обоснование использования *текста* как дидактической единицы при изучении морфологии дано в труде Н.А. Ипполитовой «Текст в системе изучения русского языка в школе» (1992г.): текст используется как база для усвоения функций единиц языка и как модель семантических типов речи: «Под текстообразующей функцией единиц языка следует понимать их способность участвовать в создании текста, их способность «строить» текст, связывать воедино все его части и отдельные предложения с учетом коммуникативного намерения, цельного смысла, общего замысла – всех факторов, обуславливающих его создание или интерпретацию» [Ипполитова, 1992, с. 93].

В центре проектируемой области разработки дидактического материала лежат принципы: научности (введение понятий функциональной грамматики, стилистики текста в сферу школьного содержания обучения), системности (обеспечение достаточно полной картины функций грамматической формы в тексте), интегративности (соединение вопросов лингвистики и стилистики при изучении морфологии).

Методика реализации функционального принципа и традиционная методика изучения грамматики дополняют друг друга, что находит отражение в формулировке целей изучения разделов науки о языке: 1) изучение основных особенностей единиц языка; 2) ознакомление с их функционированием в речи; 3) формирование учебно-языковых умений.

Цель факультатива: формирование лингвистической, языковой и коммуникативной компетенций школьников на основе реализации функционального принципа при изучении морфологии. Средством достижения цели служит соединение в процессе обучения морфологии линий языка и речи.

Условия достижения цели:

- 1) программа-ориентир изучения функций частей речи;
- 2) типологизация текстов;
- 3) методика лингво-стилистического анализа текста;
- 4) система упражнений, формирующая одновременно учебно-языковые и коммуникативные умения учащихся;
- 5) определение наиболее оптимальных моделей урока.

Планируемые результаты обучения включают в себя *знаниевый компонент*: знания о функциях грамматических форм: текстообразующей и изобразительно-выразительной; *деятельностный компонент*: умения опознавать функции грамматических форм в тексте, воспроизводить их в репродуцируемом тексте, осуществлять сознательный выбор грамматических форм для решения конкретной речевой задачи при создании собственного текста; и

мировоззренческий компонент: понимание роли и места грамматических форм и их коммуникативной и эстетической функций в языке и речи.

Путь реализации функционального принципа изучения грамматики – это путь «от текста к тексту»: от ознакомления школьников с функцией грамматических форм в тексте – через осознание грамматических признаков – к продуцированию текста. Содержание обучения определяется действующей программой по русскому языку, дополненной следующими понятиями и умениями:

- понятие о *функциональных возможностях* грамматических категорий и *композиционно-стилистическом потенциале* морфологических форм;
- понятие «*нейтральная словоформа*» – «*экспрессивная словоформа*», синонимия грамматических форм;
- понятие «*текстообразующая функция*» языковой единицы;
- понятие «*изобразительно-выразительная функция*» языковой единицы;
- умения определять и воспроизводить текстообразующие и изобразительно-выразительные функции грамматических форм в тексте;
- умение сознательно отбирать грамматические формы для выражения авторской (собственной) позиции.

Обоснованием актуальности вопроса об изобразительно-выразительной функции грамматических форм является установленная Л.П. Федоренко закономерность усвоения родной речи при условии понимания наряду с сообщающей (информационной) функцией грамматических единиц их выразительных (стилистических) функций. Переносное употребление грамматических категорий, например, времен глагола, лица, наклонения, а также образное употребление словоформ считаем исходным моментом реализации выразительно-изобразительной функции грамматических форм [Федоренко, 1973].

Знакомство с функцией грамматических форм происходит на уроке грамматики – эту часть учебного занятия мы называем «речевым фрагментом»

урока, он включает текст-презентацию функции изучаемой грамматической формы. Под презентацией речевого потенциала грамматических форм мы понимаем показ функций (т.е. роли) языковых явлений в тексте, который открывает учащимся новые знания – правила употребления грамматических форм в связном высказывании.

Содержательный аспект обучения отражает **программа-ориентир**, представленная в Таблице 1 (см. Приложения 8).

Программа изучения текстообразующих и изобразительно-выразительных функций частей речи опирается на достижения лингвистики текста (И.Р. Гальперин, С.Г. Ильенко, Г.В. Колшанский, Т.М. Николаева, З.Я. Тураева и др.), стилистики текста (В.В. Виноградов, А.И. Горшков, В.В. Одинцов и др.), которые раскрывают новые аспекты отношений языковых единиц в связном высказывании. Качественное своеобразие функционирования языковых единиц в тексте объясняется следующими причинами: а) действием интегративных отношений; б) действием категории связности; в) приращением смысла языковых единиц, которое происходит на всех уровнях, включая глобальный интегрирующий уровень текста. Под воздействием перечисленных выше факторов в составляющих текст элементах появляются новые, дополнительные значения, которые либо «проявляются» в тексте, если в системе языка они латентны, либо порождаются контекстом.

Текстообразующие функции частей речи в связном высказывании разнообразны. Глаголы прошедшего времени совершенного вида в аористическом значении передают динамику развития сюжета, глаголы прошедшего времени совершенного вида в перфектном значении образуют «пучок» однородных состояний при описании; имена существительные могут служить тематической сеткой, создавать прозрачный ассоциативный ряд для текста-описания; имена прилагательные образуют фрагменты текста типа описания; местоимения выступают маркером связи между предложениями; внешними

средствами выражения категории связности являются и наречия с временным значением, с пространственным значением, а также союзы.

Конструктивная идея воплощается в особенностях построения, организации словесного материала. Стилистические эффекты, возникающие в речи благодаря структурной организации текста и значимости языковых единиц в процессе коммуникации, становятся предметом школьного изучения.

Отметим, что проблема экспрессивности – одна из кардинальных лингвистических проблем, поскольку она связана с эмоциональным в своей основе отношением говорящего (или пишущего) к тому, что сообщается в тексте. Под *экспрессивностью текста* мы понимаем такую систему (набор) использованных в нём языковых средств, придающих речи необычность, а тем самым и выразительность, которая позволяет представить содержание текста и отношение автора к нему, вследствие чего усиливается воздействие на эмоциональную, интеллектуальную и волевою сферу реципиента.

В ходе исследования нами была разработана типология текстов при изучении морфологии в школе. Говоря о типе контекста, мы вслед за А.В. Бондарко имеем в виду определённое обобщение регулярно повторяющихся элементов конкретных текстов.

Типология текстов основана на классификации функционально-смысловых типов речи, дополнена с учётом функций языковых единиц (частей речи) в тексте, что соответствует в функциональной грамматике понятию типизированных контекстов как отражению категориальных ситуаций и представлена в данном исследовании в виде Таблице 2 (см. Приложение 9).

Прагматическая цель знакомства учащихся с функциями грамматических форм в тексте и с моделями текстов в учебной деятельности состоит в расширении речевого опыта школьников, который играет роль базовых знаний в текстовой деятельности учащихся, если рассматривать работу с текстом как диалог ученика-читателя с писателем.

Разработка методики реализации функционального принципа напрямую связана с проблемой моделирования дидактического материала.

Процесс конструирования дидактического материала в факультативе строится на прогнозировании, основанном на системном анализе образовательных потребностей, содержания образования и ожидаемых результатов образовательного процесса.

Параметры оптимальных моделей дидактического материала при изучении частей речи представляют собой двухуровневую модель: общая типология текстов при изучении морфологии – глагольная типология текстов, частные типологии текстов – типологии текстов при изучении частей речи. Двухуровневая модель связана, во-первых, с универсальностью глагольной типологии текстов в связи с особой ролью глагола в реализации основных текстовых категорий и, во-вторых, с текстообразующими функциями отдельных частей речи, которые не являются основанием для выделения типа текста, например, функция имени существительного как средства связи предложений. В качестве примеров типологии текстов разных уровней приведём типологию текстов при изучении темы «Глагол» и типологию текстов при изучении темы «Имя существительное».

В основе предложенной типологии текстов по теме «Имя существительное» лежат следующие основания, определившие группы текстов.

Первый тип – это **текстообразующая функция грамматических категорий имён существительных**: модель «имя сущ-ное собственное – имя сущ-ное нарицательное»; модель «имя сущ-ное в единственном числе со значением собирательности» и др.

Второй тип – это **текстообразующая функция ключевых слов – имён существительных**: модель «имя сущ-ное родовое понятие – имя сущ-ное видовое понятие как средство связи предложений»; модель «сущ-ные – синонимы как средство связи предложений в тексте» и др.

Третий тип: **изобразительно-выразительная функция имён существительных**: модель «имя сущ-ное – сравнение»; модель «имя сущ-ное – метафора»; модель «имя сущ-ное – олицетворение» и др.

4.2. Функциональный принцип при лингвостилистическом анализе художественных текстов

Анализ текста (основной метод) в методике реализации функционального принципа изучения единиц языка квалифицируем как лингвостилистический, объектом наблюдения в котором выступают языковые явления – грамматические формы, представленные в их взаимоотношениях внутри данного текста. Содержанием данного анализа будет рассмотрение функций грамматических форм в тексте и изучение принципов выбора и способов организации языковых единиц в единое смысловое и композиционное целое (текст).

Лингвостилистический анализ текста в школьной практике является миниатюрной моделью научного стилистического анализа, основы которого заложены в трудах В.В. Виноградова, В.В. Одинцова, А.И. Горшкова, Г.Я. Солганика. В основе данного анализа лежит образ автора, поэтому главный вопрос при работе с текстом – определение «знаков» авторского присутствия в тексте. Это путь к пониманию основной мысли текста, авторского замысла.

Анализ языковой композиции текста состоит в выделении словесных рядов, которые отражают предметно-логическую и эмоционально-экспрессивную стороны плана содержания. Функциональный подход к единицам языка в лингвостилистическом анализе позволяет вычленить словесные ряды реализации текстообразующих и выразительно-изобразительных функций грамматических форм. Описываемый метод анализа использует разные приёмы, например, приём *выделения текстовой функции* анализируемой языковой единицы, приём «*слово-образ*» и др.

В качестве примера приведём фрагмент текста повести «Понедельник начинается в субботу». Для удобства условно назовём его «магия». Словесные

ряды в данном тексте образуют *грамматические формы* – глаголы настоящего и прошедшего времени и *лексические языковые единицы*, организующие семантические поля образов.

«Они были магами потому, что очень много знали, так много, что количество перешло у них, наконец, в качество, и они стали с миром в другие отношения, нежели обычные люди. Они работали в институте, который занимался, прежде всего, проблемами человеческого счастья и смысла человеческой жизни, но даже среди них никто точно не знал, что такое счастье и в чем именно смысл жизни. И они приняли рабочую гипотезу, что счастье в непрерывном познании неизвестного и смысл жизни в том же. Каждый человек – маг в душе, но он становится магом только тогда, когда начинает меньше думать о себе и больше - о других, когда работать ему становится интереснее, чем развлекаться в старинном смысле этого слова. И, наверное, их рабочая гипотеза была недалеко от истины, потому что, так же как труд превратил обезьяну в человека, точно так же отсутствие труда в гораздо более короткие сроки превращает человека в обезьяну. Даже хуже, чем в обезьяну» [Стругацкие «ПНВС», с. 132].

Текст «магия» является повествованием художественного стиля. На основе речеведческого анализа текста ученики заполняют таблицу:

Тип речи	Схема строения текста	Особенности употребления глагольных форм		
		Прошлое время	Настоящее время	Неопределенное время
Повествование	Завязка: магия – переход количества знаний в новое качество	был и, знали, перешло, стали		
	Первый шаг в развитии сюжета: поиски человеческого счастья	работали, занимался, не знал		
	Второй шаг в	при		

	развитии сюжета: принятие гипотезы – счастье в познании неизвестного	няли, была, превратил		
	Третий шаг в развитии сюжета: истинная магия – забота о всеобщем счастье		стано вится, начинает, становится	думать , работать, развлекаться
	Кульминация: отсутствие труда превращает человека в обезьяну		превр ащает	

Основной вопрос беседы при анализе текста – позиция автора и знаки его присутствия на уровне композиции, лексики, грамматических форм.

– Два художественных образа данного текста – истинный «маг» и «обычный человек» – образуют вокруг себя соответствующие лексические поля. Найдите ключевые слова характеристики образов.

«Маг»	«Обычный житель»
Количество, так много, знаний, наконец-то, переходит в новое качество, в другие отношения с миром; прежде всего, поиск счастья и смысла жизни для других, больше, чем для себя; интереснее работать, чем развлекаться; в непрерывном познании неизвестного.	Маг в душе, даже, никто, в чем именно, только тогда становится магом, когда меньше думает о себе, больше – о других, но без труда превращается в обезьяну, хуже, чем в обезьяну.

– Как автор относится к героям повествования? Автор противопоставляет магов и лентяев. Магов он уважает – «много знали, стали с миром в другие отношения, занимались проблемами человеческого счастья, смысла человеческой жизни, в непрерывном познании неизвестного», а обычные люди, маги только в душе, при отсутствии труда в короткие сроки превращаются обратно в обезьяну.

– Как автор показывает стремления магов? Найдите глаголы и задумайтесь, нет ли особенностей употребления глагольных форм – знаков авторского мнения и оценки? В рассказе о достижениях магов преобладают

глаголы прошедшего времени, на их фоне выделяются глаголы настоящего времени, которые подчеркивают необходимые постоянные усилия для превращения в истинного мага, отсутствие действий в настоящем тут же, в настоящем, превращает человека в обезьяну.

– В каком фрагменте текста тоже употребляются глаголы настоящего времени? В кульминации – высшей точке развития действия.

– С какой целью употребляет автор глаголы настоящего времени? С помощью глаголов настоящего времени автор создает образ истинной магии. Глаголы настоящего времени выражают идею вечной жизни, способной протекать в «разные стороны».

В ходе анализа текста «магия» мы выделили словесные ряды глаголов на основе общего признака – текстообразующей роли: первый ряд составили глаголы прошедшего времени совершенного вида (организуют повествование), второй ряд включил глаголы настоящего времени несовершенного вида. Глаголы настоящего времени выполняют в тексте и выразительно-изобразительную функцию – переносное употребление глаголов настоящего времени рассматриваем как знак авторской позиции, помогающей нам, читателям, увидеть главное в тексте. Авторскую позицию отражает и прием противопоставления образов текста, поэтому выделяем словесные семантические ряды: «образ мага» и «образ обычного жителя».

Вводные слова, слова-наречия: - *так*, - *только*, - *прежде всего*, - *наконец-то*, - *даже*, - *в чем именно* – усиливают, подчеркивают значимость, ожидаемость нужного состояния истинного мага. Словесные ряды, выражающие предметно-логическую информацию, выполняют в тексте функцию сообщения, а эмоционально-экспрессивные ряды – функцию воздействия. В данном тексте эти ряды не изолированы друг от друга – они пересекаются.

Практика лингвостилистического анализа текста организует положительную динамику речевого развития учащихся в плане изменения способности воспринимать художественный текст, оценивая целесообразность

использования языковых средств. Цель лингвостилистического анализа – «вычитать» смыслы текста с помощью грамматических форм, искусное употребление которых мастером слова можно сравнить для учащихся с разнообразием красок в палитре художника. Лингвостилистический анализ с ключевым вопросом определения «позиции автора» и языковых средств её выражения близок к филологическому анализу текста, потому что ориентирован на восприятие школьника. Его задача – помочь учащимся освоить разные пласты содержания, «дойти» до глубины понимания авторского замысла. Изменения в восприятии текста отражают не только факт речевого развития учащихся, но и динамику личностной ориентации ребенка, что является реализацией воспитательного потенциала обучения.

Приведем следующий пример. Эпиграф к первой главе повести Стругацких «Понедельник начинается в субботу» представлен «школьным анекдотом»:

Учитель: Дети, запишите предложение: «Рыба сидела на дереве».

Ученик: А разве рыбы сидят на деревьях?

Учитель: Ну... Это была сумасшедшая рыба [Стругацкие, «ПНВС», с. 7].

Пример интересен тем, что он иллюстрирует проекцию самой учебной деятельности, в аллегорической форме представляя проблемы, связанные с восприятием и усвоением учебного материала. А также тем, что для передачи смысла здесь использован минимум языковых средств. Основой художественной выразительности является сам стиль изложения текста – стиль абсурда. Абсурд – (от лат. *absurdum* – нелепость, бессмыслица) – способ изображения действительности, для которого характерны подчеркнутое нарушение причинно-следственных связей, гротескность, продиктованные стремлением продемонстрировать нелепость и бессмысленность человеческого существования (например, поэтические опыты ОБЭРИУтов) [Белокурова, Словарь литературоведческих терминов, 2005].

Сочетание союза – *a* и наречия – *разве* в вопросительном предложении усиливает эффект абсурдности повествования на уровне морфологии. Но в

большей мере функциональный принцип тут проявлен в употреблении глагольных форм. «*Запишите*» – просит детей учитель, выражая глаголом совершенного вида, повелительного наклонения потенцию образовательного процесса, как процесса усвоения учебного материала. – *Сидят* – единственный глагол настоящего времени, выполняющий изобразительно-выразительную функцию оживления повествования и отражения действительного положения вещей, употреблен здесь в вопросительном предложении в контексте сомнительности утверждения. И наконец, непереходные глаголы несовершенного вида, прошедшего времени: – *сидела* и – *была*, относятся к существительному: – *рыба*, которое, несмотря на лаконичность формы и содержания текста, повторяется в нем несколько раз.

Словарные значения повторяющихся здесь существительных расскажут нам о том, что *рыба* – это позвоночное водное животное, а *дерево* – представитель класса растений. В чем смысл соединения данных существительных в такой короткой зарисовке? И рыба, и дерево – это прежде всего формы жизни, представляющие собой процесс, развивающийся во *времени*. У них есть начало в виде семени или икринки, есть развитие ростка и малька, есть кульминация, выраженная цветением и нерестом, и возврат к первоначальному состоянию семени и икринки. Разнообразие форм жизни осуществляют принципы земли, воды, воздуха, огня. Земля олицетворяет устойчивость, неподвижность формы, но и незыблемость законов, в которых время удерживает вечность. Вода стремится к большей свободе. Жизнь вышла из воды, но рыбы и сейчас живут в воде. Дерево во множестве культур использовали в качестве символа жизни, потому что корни дерева держатся за землю как за законы бытия, ствол поднимает воду к воздуху и огню. В дереве четыре стихии выражают гармонию и красоту вертикальной устремленности к небу и солнцу. Плоды дерева снова упадут в землю и замкнут этим временной цикл самой жизни. Так что этот короткий и простенький с виду анекдот содержит в себе обозначение условий, необходимых для жизни. Время как категория произвольного упорядочивания жизни принадлежит именно

человеку. Сидящая на дереве рыба нарушает естественный ход бытия, и проще всего – объявить ее сумасшедшей. «Обычный житель» так и сделает, но «маг» попробует разобраться и дойти до сути этого явления.

Таким образом, приведенный пример должен показать учащимся, что использование в тексте минимального количества выразительных средств может позволить авторам обозначить верхушку огромного айсберга смыслов даже там, где на первый взгляд смысл отсутствует. Ученикам необходимо понять, как важно рассматривать все значения слов и смыслы как логические связи между этими значениями. Рассуждая таким образом, глубоко и осмысленно изучая не только средства языка, но и смыслы, заложенные в них, к тексту «ПНВС», состоящему из 260 страниц, легко можно написать еще не один том комментариев. Так и происходит с самыми разными книгами, будь то литературный, философский труд или учебник по физике или морфологии. Но чтения чужого, пусть самого качественного, комментария недостаточно. Для глубокого понимания, осмысления текста каждый должен расшифровать его самостоятельно, опираясь на собственный опыт и накопленные знания. Иначе рыба так и останется сидеть на дереве, потому что она «сумасшедшая».

Возвращаясь к теоретическим положениям концепции реализации функционального принципа, стоит отметить, что сюда относится и обоснование системы упражнений, нацеленной на соединение линий языка и речи в процессе обучения. Идея такой системы упражнений была предложена М.Т. Барановым и разработана нами для использования при изучении морфологии. Данная система упражнений учитывает грамматическую и речевую природу употребления грамматических форм в тексте и включает две группы упражнений, направленных на формирование учебно-языковых и коммуникативных умений учащихся.

Содержанием упражнений, направленных на формирование учебно-языковых умений, является нахождение изучаемых грамматических форм в тексте, сравнение возможностей языковых средств, определение роли всей

совокупности имеющихся в тексте грамматических форм изучаемой части речи в оформлении связного высказывания. Примеры заданий:

1. *Найдите в тексте наречия. В каких фрагментах текста они используются?*

2. *Сравните функции союзов в тексте.*

3. *Найдите в тексте прилагательные. Какие текстообразующие функции они выполняют? Какова их роль в создании выразительности текста?*

Содержанием упражнений, направленных на формирование коммуникативных умений, является обоснование выбора автором языковых средств и формирование умений сознательного выбора грамматических форм для выражения собственного (ученического) замысла при создании текста. Примеры заданий:

1. *Сравните два текста, различающиеся грамматическими формами. Какой из них более выразительный и почему?*

2. *При редактировании текста «оживите» повествование.*

В школьной практике данная система реализуется на речевом фрагменте факультатива при выборе учителем заданий с учётом формирования учебно-языкового и коммуникативного умения. Пример такого задания: *определите, какие глагольные формы используются в тексте. Как вы думаете, с какой целью автор употребляет глаголы прошедшего времени и настоящего?*

Так происходит интеграция формирования умений учебно-языковых и коммуникативных на факультативе изучения морфологии при анализе текста. Представленная концепция с методическим потенциалом её реализации может стать основой организации дальнейшего опытного обучения с ориентиром на воспитание ценностного отношения подрастающего поколения к языку.

Заключение

Время – это основа всех наших восприятий; только через наличие его мы можем постигать вне нас лежащее, но наше мышление, наш разум лежит вне его, и движение во времени для него есть лишь чередование в некоторой последовательности неподвижных систем [Шмаков, с. 75].

Лингвистическая наука рассматривает *время* как языковую функционально-семантическую категорию, в которую укладывается вся совокупность способов выражения времени в языке. Грамматическое время может быть абсолютным, относительным, метрическим, дейктическим и недейктическим, грамматического вида и способа глагольного действия. Лингвистика в целом принимает ставшую тривиальной физико-философскую модель объективного времени, однако системные отношения в языке и речи не сводимы к последовательной модели: темпоральная линия речи преобразуется в синтагматическом ряду в «дерево зависимостей». Такое понимание языковой темпоральности созвучно концепции полевой структуры языка.

Языковая категория времени называется понятийной потому, что смысловые компоненты общего характера свойственны не отдельным словам и системам их форм, а обширным классам слов, выражаемым в естественном языке разнообразными средствами [СЛТ, с. 385].

Изучение концепта «Время» позволило выявить некоторые особенности строения его лексико-семантического поля. Выявлены дефиниции темпоральности. Эта процедура осуществлялась по опорным семам лексико-семантических единиц. Лексический состав языка сгруппирован в следующие группы темпоральных лексико-семантических классов: 1) **субстантиваторы** (существительные); 2) **корреляторы** (наречия, прилагательные, предлоги и союзы); 3) **параметризаторы** (прилагательные и наречия); 4) **импликаторы** (все части речи). *Время* как форма бытия в группе субстантиваторов представляется в качестве объекта номинации, который имеет независимое от субъекта существование. Его можно воспринимать, измерять, описывать. Он имеет

качественные и количественные признаки. В значениях слов группы корреляторов отражается место, которые занимают явления действительности во временном континууме. Сюда же включаются слова, выражающие связи временного характера, обусловленные положением явлений действительности во времени. В группе параметризаторов *время* представлено как свойство явлений и процессов, заключающихся во временной протяженности. Это свойство является мерой явлений и процессов. Большая совокупность лексических единиц, значение которых выявляет неразрывное единство времени и пространства, времени и движения, времени и порядка, времени и жизненных процессов, представлена в группе импликаторов. Единицы группы субстантиваторов являются ключевыми для объяснения значений слов других групп. Кроме того, вся темпоральная лексика разделена на два больших разряда соответственно свойствам изоморфизма лексических единиц и грамматических форм: 1) слова, выражающие **безотносительное время**; 2) слова, выражающие **относительное время**.

Изучены выбранные для сопоставления тексты. Анализ показал, что оба произведения отражают концепт «Время» как категорию, ответственную за человеческое восприятие, следовательно, направляющую внимание человека, его органы чувств на объекты внешнего и внутреннего мира и тем самым создающую уникальный индивидуальный мир каждого человека. *Время* как языковая категория отражает авторский замысел на всех уровнях текстовой структуры и семантики. Оригинальное смешение жанров, множество разнообразных персонажей, богатство тем в Сказке братьев Стругацких объединяются главными ключевыми словами – человек разумный, человек, вступивший в особые отношения с миром благодаря накопленным знаниям, человек-труженик, смысл жизни которого – в постоянном стремлении к непознанному. Чтобы подчеркнуть переход количества знаний в новое качество отношений с миром, авторы используют глаголы прошлого времени значительно чаще, чем глаголы настоящего или будущего времени: *был* – 618, *есть* – 124, *будет* – 76; *сказал* – 761, *скажу* – 2, *говорил* – 55, *говорю* – 25; *думал* – 53, *подумал* – 39, *думать* – 11.

Само слово *время* авторы используют 102 раза, *некоторое время* – 35 раз, но *будущее* встречается только 13 раз. Любимое авторами слово «сказал» звучит как указ, наказ для читателей. Весь сложнейший многоплановый сюжет слоями нанизан на ось *времени*, которую держит главный персонаж, олицетворяющий само Время, Янус Полуэктович Невструев, директор института Волшебства и Магии.

Наталия Щерба говорит о *Времени* детям. Можно не знать законов физики, но нельзя не ощущать их действия. *Время* приходит в нашу жизнь всеми формами существования материи, доступными органам чувств. В первую очередь, это звуки и краски, поэтому в тексте Н. Щербы события расцвечены и «сказочны». Но в этой сказочности гораздо больше реальности и актуальности, чем мифичности, так как темы, которые постигают дети в часовых школах называются, к примеру: *временной тоннель* и *временная петля*, *вероятность событий* и *безвременье*, *материализация* и *дематериализация*. Необходимо научиться понимать язык и законы *времени*, научиться сотрудничать со временем, то есть научиться управлять своим вниманием. Основную единицу измерения земного времени – час – автор в своей книге делает ключом к постижению природы *времени*. Часование, часодействие – есть умение формулировать желания, концентрируя внимание и волю. «*Не существует единственного для всех будущего. Их много и каждый ваш поступок творит какое-нибудь из них...*», – той фразой заканчивается повесть Стругацких и начинаются «Часодеи».

«ПНВС» и «Часодеи», относящиеся к одному жанру (фантастике) и тематике (посвящены теме «*Время*»), неоднократно пересекаются в сфере освещаемых проблем. Это выбор наиболее эффективных стратегий мышления, сценариев будущего и ценностных ориентиров, положенных в их основу, а также констатация неоднозначности многих привычных нам явлений. Тем не менее, выбранные произведения выглядят совершенно по-разному. Это происходит в силу ряда причин: разная художественно-стилистическая направленность, различная читательская аудитория и *время* написания, обуславливающее

особенности создания и, соответственно, восприятия произведений. Книги не рождаются в вакууме. При анализе художественных произведений необходимо учитывать, что писатель сам сильно зависим от *времени* (часто от цензуры) как от современной ему действительности.

Разработана методика лингвостилистического анализа текста в школьной практике, что является миниатюрной моделью научного стилистического анализа. В основе факультативного курса изучения морфологии для школьников лежит образ автора, поэтому главный вопрос при работе с текстом – определение «знаков» авторского присутствия в тексте. Это путь к пониманию основной мысли текста, авторского замысла.

Методика развивает главную линию традиционного обучения грамматике – системность. Это проявляется в единообразном подходе к изучению каждой части речи: обязательное включение вопроса функционирования грамматических форм в план изучения части речи.

Таким образом, методика реализации функционального принципа при изучении морфологии расширяет уровень знаний учащихся о роли грамматических форм в тексте, а значит, создаёт предпосылки для употребления в творческой деятельности школьников моделей, выбор которых будет свидетельствовать о ценностном отношении подрастающего поколения к языку.

Библиографический список

1. Абросимова Л.С. Теоретико-методологические установки когнитивного подхода к изучению словообразования / Л.С. Абросимова // Вестник Балтийского государственного университета им. И. Канта. – № 2. – 2014. – с.7– 14.
2. Аксенов Г. П. Причина времени. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 304 с.
3. Алюшин А. Л., Князева Е. Н. Темпомиры: скорость восприятия и шкалы времени. - М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
4. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время / Под ред. Н.Д. Арутюновой, Т.Е. Янко. – М.: Изд-во «Индрик», 1997а. – С. 51–61.
5. Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – С. 52–57.
6. Базылев В.Н., Красильникова В.Г. От учебной интерпретации читаемого отрывка – к пониманию текста / Вопросы философии. 3(37). 2018.
7. Баранов М.Т. Развитие речи учащихся – необходимая составная часть современного содержания школьного курса русского языка / Развитие устной и письменной речи на уроках русского языка в 5–9 и 10–11 классах и подготовка студентов педвузов к работе в школе: Тез. докл. межвуз. научно-практической конференции / Сост. проф. А.Д. Дейкина. – М., 1999. – С.7.
8. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // М. М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: «Худож. лит.», 1975. – С. 234–407.
9. Белянин В.П. Лексические элементы научно-фантастического текста в психолингвистическом аспекте // кст и культура. – М., 1985. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе). – М.: Тривола, 2000. – 248 с.
10. Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного

текста [Текст] / В.П. Белянин – М.: Изд-во МГУ, 1988.

11. Березина Т. Н. Пространственно-временные характеристики мысленных образов и их связь с особенностями личности // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19. – № 4. – С. 13–26.

12. Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – С. 25–36.

13. Бондарко А.В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – С. 5–39.

14. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. – СПб.: Изд-во С. – Петерб. ун-та, 2001. – 260 с.

15. Бондарк А.В. Теоретическое значение в системе функциональной грамматики: на материале русского языка / А.В. Бондарко. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.

16. Бутакова Л.О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование / Л.О.Бутакова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – 281с.

17. Василюк Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С. 5–19.

18. Вейль Г. Пространство. Время. Материя. Лекции по общей теории относительности: Пер. с нем. – Едиториал УРСС, 2004. – 456 с.

19. Википедия [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%B6%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%97%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%B0> (дата обращения: 30.05.2020).

20. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.
21. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
22. Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. – М.: Русский язык, 1982. – 284 с.
23. Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время / Под ред. Н.Д. Арутюновой, Т.Е. Янко. – М.: Изд-во «Индрик», 1997. – С. 123–130.
24. Глухов В.П. Психолингвистика. – М.: Высшая школа, 2018. С.325 [Электронный ресурс] © Студми. Учебные материалы для студентов 2013–2020 Режим доступа: https://studme.org/186030/psihologiya/osnovnye_svoystva_teksta_opredelyayushie_tselostnost_svyaznost_rechevogo_soobscheniya#325 (дата обращения: 30.05.2020).
25. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
26. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. – 1964. – № 6. – С. 26–38.
27. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 155 с.
28. Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. – Калинин: КГУ, 1977. – 82 с.
29. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. – Воронеж: ВГУ, 1990. – 204 с.
30. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: РГГУ, 1999. – 381 с. 6.

31. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001а. – С. 36–44.
32. Залевская А.А. Концепт как достояние индивида // Психолингвистические исследования слова и текста. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002а. – С. 5–18.
33. Залевская А.А. Роль тела в языковой коммуникации: корпоральная семантика // Психолингвистические исследования: слово и текст – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – С. 36–46.
34. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005а. – 543 с.
35. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М: Российск. гос. гуманит, ун-т, 2007. – 560 с.
36. Ипполитова Н.А. Текст в системе изучения русского языка в школе. – М., 1992. – С. 93.
37. Казарян В.П. Темпоральность и естественные науки // Феномен и ноумен времени. – 2005. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 22–50.
38. Кант И. Критика чистого разума. – Симферополь: «Реноме», 2003. – 464 с. 79. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
39. Карасев Л.В. Философия смеха. М., 1996, с. 17–23.
40. Карасик В.И. Языковая личность как предмет изучения антропологической лингвистики /В.И. Карасик // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – № 8 – С. 109–115.
41. Караулов Ю.Н. Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста / Ю.Н. Караулов // Вопросы психолингвистики. – 2015. – №3 (25). – С. 14–36.
42. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М, 1976.

43. Клеопов Д.А. Изучение феномена времени как основа междисциплинарного диалога // Феномен и ноумен времени. Клеопов Д.А. Изучение феномена времени как основа междисциплинарного диалога // Феномен и ноумен времени. – 2005. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 73–93. 2005. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 73–93.
44. Ковтун Е.Н. Поэтика необычайного: Художественные мифы фантастики, волшебной сказки, утопий, притчи и мифа: (На материале европейской литературы первой половины XX века). М., 1996. – 308 с.
45. Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики / Перм. ун-т. Пермь, 1966. 213 с.
46. Кожина М.Н. Речеведческий аспект теории языка // Stylistyka. VII. Opole, 1998. S. 5–31. Кожина М.Н. Истоки и перспективы речеведения // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. Вып. 3. С. 34–46.
47. Конструкции времени в естествознании: на пути к пониманию феномена времени. Ч. 1 / Под ред. Б.В. Гнеденко. М., Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 302 с.
48. Колесов В.В. Концептология: учебное пособие / В.В. Колесов, М.В. Пименова. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2012. – 248 с.
49. Кривонос А.Т. Философия языка. М. – N-York: Издательский центр «Азбуковник», 2012. – 788 с/ [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://dereksiz.org/kniga-posvyashena-obosnovaniyu-prirodi-yazikovogo-znaka-ne-ras.html?page=21> (дата обращения: 30.05.2020).
50. Кубрякова Е.С. Обеспечение речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991.
51. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка, 2014.

52. Левин А.П. Мотивы и задачи изучения времени // Конструкция времени в естествознании: на пути к пониманию феномена времени. Часть 1. Междисциплинарное исследование. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – С. 9–27.
53. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. – 536 с.
54. Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 14. – Психология. – 1979. – №2. – С. 3–13.
55. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб.: «Искусство – спб», 1998.
56. Лотман 1998 – Лотман Ю.М. Текст в тексте// Об искусстве – СПб.: «Искусство» – СПб., 1998. – С. 423 – 436.
57. Любинская Л.Н., Лепилин С.В. Философские проблемы времени в контексте междисциплинарных исследований. – М.: Изд-во «Прогресс-Традиция», 2002. – 304 с. // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/lubinskaya_filosofskie.htm (дата обращения: 30.05.2020).
58. Мамаева Н. «Светлое» будущее в философии А. и Б. Стругацких // Известия Уральского государственного университета. — 2004. — № 32. — С. 137–143
59. Мауринь А.М. Концепция органического времени Г. Бакмана и опыт ее применения // Конструкции времени в естествознании: на пути к пониманию феномена времени. Часть 1. Междисциплинарное исследование. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1996. – С. 83–95.
60. Меновщиков Г.А. Выражение категорий пространства и времени в эскимосо-алеутских языках / Г.А. Меновщиков // Вопросы языкознания. – 1986. – №2. – с.117–127.

61. Методика преподавания русского языка в школе / М.Т. Баранов, Н.А. Ипполитова, Т.А. Ладыженская, М.Р. Львов; Под ред. М.Т. Баранова. – 2-е изд. – М., 2000. – С. 136.
62. Мир философии. М.: Политиздат, 1991. Ч. 1. С. 14–15, 193–196, 483–485, 612–615.
63. Мищенко С.В. Метафоризация мифологизированного времени в различных лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2005. – 15 с.
64. Обучение русскому языку в школе / Е.А. Быстрова, С.И. Львова, В.И. Капинос и др.; под ред. Е.А. Быстровой. – М., 2004. – С. 55.
65. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2000. – 940 с.
66. Пищальникова В.А. Значение и концепт // Вестник МГЛУ. Вып. 541. Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Серия «Лингвистика». – М.: МГЛУ, 2007. – С. 210–223.
67. Полянский С.М. Таксис - относительное время - эвиденциальность (к проблеме критериев разграничения) // Сибирский лингвистический семинар. – Новосибирск, 2001. – № 2 // [Электронный ресурс] Philology.ru Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics3/polansky-01.htm> (дата обращения: 30.05.2020).
68. Потаенко Н.А. К языковому освещению временной структуры действительности / Н.А. Потаенко // Вопросы языкознания. – 1984. – №6. – с.43–54. [Электронный ресурс] Режим доступа <http://vja.ruslang.ru/archive/1984-6.pdf> (дата обращения: 30.05.2020).
69. Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. – 1989. – №8. – С. 3–19.

70. Рафикова Н.В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста. – Тверь: ТвГУ, 1999. – 146 с.
71. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование / В.М. Солнцев. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 1977. – 341 с.
72. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – С. 58–65.
73. Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу: Фантастические произведения / А. Стругацкий, Б. Стругацкий. — М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2007. — 736 с.
74. Трубников Н. Н. Время человеческого бытия. М., 1987. – С. 255.
75. Тураева З.Я. Лингвистика текста. – М.: Просвещение, 1986. – 126 с.
76. Успенский П.Д. TertiumOrganum. Ключ к загадкам мира. СПб., 1911. Стр. 25.[Электронный ресурс] Режим доступа: <https://textarchive.ru/c-1172636-pall.html> (дата обращения: 30.05.2020).
77. Федоренко Л.П. Принципы обучения русскому языку. — М.: Просвещение, 1973. — 160 с.
78. Фрумкина Р.М. О специфике гипотез в психолингвистике: Гипотеза в современной лингвистике. – М., 1980.
79. Хайдеггер М. Бытие и время: Пер. с нем. – Харьков: «Фолио», 2003. – 503, [9] с. // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/haydegger-butie_i_vremya-a.htm (дата обращения: 30.05.2020).
80. Хасанов И.А. Время как объективно-субъективный феномен. М.: Прогресс-Традиция, 2011. — 328 с.

81. Чугунова С.А. Мысленный образ ситуации как медиатор понимания художественного текста. – Брянск: Брянский государственный университет, 2006. – 158 с.

82. Чугунова С.А. Психолингвистическое исследование концептуализации времени // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Тезисы докладов. Москва, 15–17 июня. – М.: Изд-во Эйдос, 2009. – С. 319.

83. Чугунова С.А., Концептуализация времени в разных культурах // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 5 (143). Филология. Искусствоведение. Вып. 29. С. 134–142.

84. Чугунова С.А., Концептуализация времени: «Поворот к телу»// Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. No 3 (23). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docplayer.ru/68595883-Konceptualizaciya-vremeni-povorot-k-telu-2012-s-a-chugunova.html> (дата обращения: 30.05.2020).

85. Шмаков В. Священная Книга Тота [Электронный ресурс] © 2013-2020 NemaloKnig.com / Режим доступа: <https://nemaloknig.com/read-155397/?page=75> (дата обращения: 30.05.2020).

86. Щерба Н.В. «Часодеи». [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://knizhnik.org/natalja-scherba/> (дата обращения: 30.05.2020).

87. Щерба Н. Часовой ключ: роман / Н. Щерба. – М.: РОСМЭН, 2016. – 368 с. – (Часодеи).

Фразеографические и лексикографические источники:

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. Печатное издание М.: Русские словари, 1999. [Электронный ресурс] © Электронная версия, «ГРАМОТА.РУ», 2002. Режим доступа:

<http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&re=x&word=Время> (дата обращения: 30.05.2020).

2. Александрова З.П. Словарь синонимов русского языка / З.П. Александрова. – М., 1975.

3. Античная мифология: энциклопедия / Под ред. К.Королева. – М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Мидгард, 2004. – 768 с.

4. Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. – М.: Сов. Энциклопедия, 1974. – 448 с.

5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Современная энциклопедия, 1969. – 608 с.

6. Большой энциклопедический словарь «Языкознание», 2-е изд. – М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1998. – 685 с.

7. Введенская, Л.А. Словарь антонимов русского языка / Л.А. Введенская. – Изд. Ростовского ун-та, 1971.

8. Византийский словарь: в 2 т. / [сост. Общ. Ред. К.А. Филатова]. СПб.: Амфора. ТИД Амфора: РХГА: Издательство Олега Абышко, 2011, т. 2, с.204.

9. Вишнякова, О.В. Словарь паронимов русского языка / О.В. Вишнякова. – М.: «Русский язык», 1980.

10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В Чт. – М.: Русский язык. 1991.

11. ЕВРАС – Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России). М.: Московская международная академия, 2018. Т. I: От стимула к реакции. [Электронный ресурс] © 2011–2020 ФГБУН Институт языкознания РАН / Режим доступа: <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras> (дата обращения: 30.05.2020).

12. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000

13. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – М.: «Русский язык», 1991.
14. Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляр В.Т. Словарь фразеологических антонимов русского языка: Около 730 синоним, рядов / Под ред. В.П. Жукова. – М.: Рус. яз., 1987. – 448 с.
15. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение / А.А. Зализняк. – М.: «Русский язык», 1980. – 880 с.
16. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь. Ч. 1–2. / Ю.Н. Караулов. – М., 1994.
17. Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта, Наука, 2003. – 696 с.
18. Котелова З.Н. Новые слова и значения / З.Н. Котелова. – М.: «Русский язык», 1984.
19. Краткий психологический словарь. Под общей редакцией А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. – М.: Издательство политической литературы, 1985. – 431 с.
20. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрат, Л. Г. Лузина. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.
21. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка: Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 года. [Электронный ресурс] portal@gramota.ru Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=вечность> (дата обращения 30.05.2020)
22. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия. – 1990.
23. Львов М.А. Словарь антонимов русского языка / М.А. Львов. – М.: «Русский язык», 1978.

24. Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением время в русском языке) / В.В. Морковкин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 166 с.
25. Москвин В.В. Идеографический словарь русского языка / В.В. Москвин. – Киев, 1992.
26. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой, 16-е изд. – М.: «Русский язык», 1984. – 798с. Современный словарь иностранных слов. – М.: «Русский язык», 1992. – 740 с.
27. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, Издательство: ИТИ Технологии, 2008. – 944 с. // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://my-dict.ru/dic/tolkovyy-slovar-ozhegova/> (дата обращения: 30.05.2020).
28. Популярный словарь русского языка. Толково-энциклопедический. — М.: Русский язык-Медиа. А.П. Гуськова, Б.В. Сотин. 2003. [Электронный источник] © Академик, 2000-2020 / Режим доступа: <https://popular.academic.ru/3383> (дата обращения: 30.05.2020).
29. РАС – Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – В 6 кн. – М.: «Помовский и партнеры»; Институт русского языка РАН, 1994–1998.
30. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с. // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.guiner.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/index.php (дата обращения: 30.05.2020).
31. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: «Азбуковник», 2002.
32. Русский язык: Энциклопедия. / гл. редактор Ф. П. Филин. – М.: Советская энциклопедия. – 1979. – 432с.

33. СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2018) / авт.-сост. И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. URL: // adictu.nsu.ru (дата обращения: 30.05.2020).
34. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасовой, Ю.Н. Караулова, Е.Ф. Тарасова. – М.: Изд-во Алтайского государственного университета, 2004. – 792 с.
35. Словарь литературоведческих терминов. 2005. Автор: С. П. Белокурова. [Электронный ресурс] © 2010-2020 Словари онлайн / Режим доступа: <https://rus-literary-criticism.slovaronline.com/> (дата обращения: 30.05.2020).
36. Словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1935 – 1940 гг. (и др. изд.).
37. Словарь синонимов русского языка: в 2-х т. Т. I: А-Н. / Под ред. А.П. Евгеньева – Л.: Наука, 1970. – 680 с.
38. Словарь синонимов русского языка: в 2-х т. Т. II: О-Я. / Под ред. А.П. Евгеньева – Л.: Наука, 1971. – 856 с.
39. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1. – 17. – Л., 1950-1965 гг. (и др. изд.).
40. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
41. Ушаков 2008 – Ушаков Д.Н. Большой токовый словарь русского языка: современная редакция. – М.: ООО «Дом славянской книги», 2000. – 960 с.
42. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. Перевод с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М., 1964–1973 (и др. изд.). [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D1%81/%D1%81%D1%83%D0%B5> (дата обращения: 30.05.2020).

43. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / Сост. Л.А. Воинова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров. Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 543 с.

44. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. – М.: «Просвещение», 1971.

45. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 82 т. и 4 доп. т. — М.: Терра, 2001. — 726 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://runivers.ru/bookreader/book10151/#page/100/mode/1up> (дата обращения: 30.05.2020).

46. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. — М.: «Локид-Пресс». Вадим Серов. 2003. [Электронный ресурс] © Академик, 2000-2020 Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/486/Время (дата обращения: 30.05.2020).

47. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. — Т. 1. — Вып. 3. — М., 1968.

Приложения

Приложение 1 (к стр. 23-27) Структура распределения временной лексики.

Схема 1 «Безотносительное время».

Приложение 2 (к стр. 23-27) Структура распределения временной лексики.
Схема 2 «Относительное время».

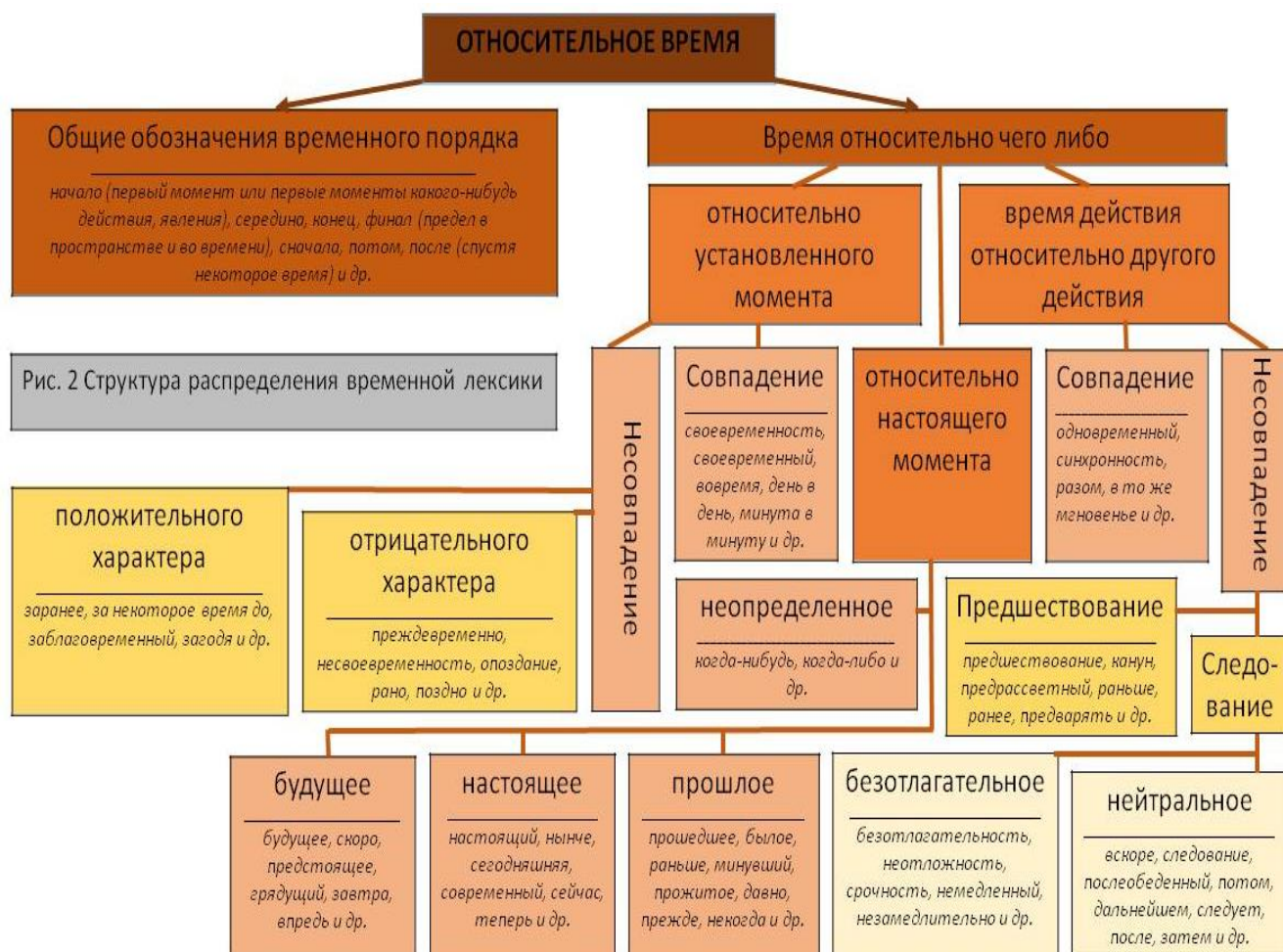

Рис. 2 Структура распределения временной лексики

Приложение 3 (к стр. 42)

Полиевкт (или Эвбул?) (277—276) **Полиевкт** (248—247) **Фесмофет** **Хэрефон**.

Христианские мученики: **Полиевкт**, мученик. Память 1 августа; **Полиевкт** **Мелитинский** (ум. 10 января 259) — мученик. Память 9 января; **Полиевкт** **Месукевийский** или **Грузинский** (ум. ок. 100—130) — мученик. Память 15 апреля; **Полиевкт** **Кесарийский** (**Каппадокийский**) (III века н. э.) — мученик. Память 19 декабря; **Полиевкт** **Угличский** (ум. 1609), преподобномученик, погибший при

разорении Углича поляками в Смутное время. Память в Православной церкви 23 мая (5 июня) (собор Ростово-Ярославских святых).

Церковные деятели: Полиевкт второй Златоуст (ум. 5 февраля 970) — Константинопольский патриарх (3 апреля 956 — 5 февраля 970); Полиевкт (Пясковский) — епископ Рязанский и Зарайский РПЦ (22 января 1900 — 7 ноября 1902).

Византийский словарь: в 2 т. / [сост. Общ. Ред. К.А. Филатова]. СПб.: Амфора. ТИД Амфора: РХГА: Издательство Олега Абышко, 2011, т. 2, с.204. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%B5%D0%B2%D0%BA%D1%82> (дата обращения: 30.05.2020).

Приложение 4 (к стр. 43)

Привал, -а; м. 1. к Привалить – приваливать (2 зн.). П. судна к пристани. 2. Остановка в пути для отдыха во время похода, путешествия и т.п.; место такой остановки (2 зн.). Сделать, устроить п. Остановиться на п. Дойти до привала. Отдохнуть на привале. <Привальный, -ая, -ое. П. гудок теплохода. П. брус (мор.; балка вдоль наружной части борта судна, предохраняющая обшивку корпуса от ударов и трения). П. сбор (ист.; взимавшийся за привал судна к пристани).

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка: Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 года. [Электронный ресурс] portal@gramota.ru Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=вечность> (дата обращения 30.05.2020).

Приложение 5 (к стр. 50)

Час – муж. время, времена, година, пора; досуг, свобода от дел; пора, срок, удобное к чему время. Часовой муж. солдат, стоящий на часах, на карауле. Часовник, часослов, книга с церковными часами, с полунощницей, утреней и

вечерней. Часовник ·стар. часовщик, часовой мастер. Часовщица, или жена его, или сама мастерица. Часовщиков, часовщицын, что лично их. Часовщичий, к ним относящийся. Часовщичые мастерство. Часовня жен. часовенка, молитвенный дом, храмик без алтаря, где можно только служить часы (не литургию); Часовенный, к часовне относящийся; сущ. раскольник. Часовка, часовочка, отделенье мотка ниток, пасма, чисменка; каждый намот, пласт, слой ниток на клубке. Часить ниж. благовестить во время часов, перед литургиею. Никак уж часят? ряз. переводить колокола, благовестить поочередно во все колокола, порознь, в престоольный праздник церкви. твер. более почасить, ждать, обождать, повременить. Часить-то некогда мне. Часовать, пробыть где недолго, часами. Не век вековать, а час часовать. Час часовать, не год годовать, можно. вост. доживать век часами, быть при смерти, отходить, умирать, быть при издыхании. Я застал его, уж он часует. Часобои жен., мн., ·стар. часы с боем, боевые. Часозвон, то же. Постави владыка Евфимий часозвон.

Толковый словарь В.И. Даля [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/explanatory-dictionary-dalya/articles/280/chas.htm> (дата обращения: 30.05.2020).

Приложение 6 (к стр. 50)

Действовать, деять, делать, совершать, не коснеть; влиять чем, производить, двигать или двигаться, быть в движении плотию или духом, совершая что-либо; употреблять силу, усилия свои в дело: противопол. бездействовать; быть деятельным. Дух действует на плоть. Машина не действует, испорчена. Местность действует на здоровье. -ся, быть действующему, или безличн. На вал этот действуется рычагом. Не легко действуется рассудком на буйную толпу. Действующий прич. в виде прилаг. находящийся в деле, в действии. Действующая армия, поставленная на военную ногу. Действующие лица, в театральном представлении, актеры, лицедеи. Действованье ср. состоянье и упражненье действующего. Действие ср. действованье, состоянье по глаг.

действовать. Способность, сила, возможность к действованию. | Дела, поступок, деяние, деятельность, все, что делается кем или чем. После продолжительного действия, духовные и телесные силы наши требуют покоя. В снадобье этом заключается действие ядовитое. Все действия этого начальника убеждают в уме и благонамаренности его. Действие в драме, комедии, отдел, акт. Военные действия, сражение, битва и все, что к ним относится. Действо ср. стар. и народ. действие, в знач. проявления силы, деятельности. | Встарь, торжественная служба в московском кремле, в Успенском соборе или на площадке возле. Дей м. церк. деятель, деятель, совершитель (добродей, злодей, лиходей, колодеи). | Дей и дея ж. дела, что делалось, случилось, сбылось; быть, факт. См. делать. Действователь м. -ница ж. действеник м. -ница ж. деятель, кто действует, делает, не покоится, во всех знач. Действенный, деющий, действующий. Действительный, действующий или могущий действовать как должно, влияющий, производящий что всю силою своею. | Истинный, верный, точный, несомненный; подлинный, взабыльный, настоящий, правский, заправский; | существенный. Слово это часто употреб. во зло и не у места, напр. оказался действительный недостаток в чем; он действительно был тут, и пр. Действительно нареч. в (на) самом деле, истинно, в самой вещи, точно, верно, взабыль, по правде. Действительность ж. состоянье действительного во всех знач. все то, что есть, существует, состоит на деле, не вымыслено.

В.И. Даль Толковый словарь В.И. Даля [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://slovardalya.ru/description/deistvovat/6249> (дата обращения: 30.05.2020).

Приложение 7 (к стр. 50)

Деизм (де'изм), деизма, мн. нет, ·муж. (от ·лат. deus — бог) (филос.). Религиозно-философское учение, признающее бога, как разумное существо, создавшее реальный мир, но отрицающее вмешательство личного бога в естественный ход вещей.

Толковый словарь В.И. Даля [Электронный ресурс] Режим доступа:
<http://slovardalya.ru/description/deistvovat/6249> (дата обращения: 30.05.2020).

Приложение 8 (к стр. 59)

Таблица 1. Программа-ориентир содержательных аспектов изучения текстообразующих и изобразительно-выразительных функций грамматических форм частей речи (фрагмент):

Части речи	Текстообразующие функции	Изобразительно-выразительные функции
Имя существительное	- в описании; - тематическая сетка текста; - ключевые слова; - средство связи предложений;	- метафора; - сравнение; - олицетворение;
Наречие	- в повествовании; - в описании; - в рассуждении;	- качественно- описательная;
Союз	- средство связи предложений;	- экспрессивный повтор;
Имя прилагательное	- в повествовании; - в описании; - в рассуждении	- качественно- описательная; - экспрессивный

		повтор
--	--	--------

Приложение 9 (к стр. 60)

Таблица 2. Типология текстов в методике реализации функционального принципа изучения единиц языка (фрагмент).

Модель текста	Употребление глагольных форм	Функции в тексте
Повествование в прошедшем времени	глаголы прошедшего времени совершенного вида (аорист); экспрессивные формы прошедшего времени;	- текстообразующая (организация сюжета); - изобразительно-выразительная;
Повествование-репортаж	глаголы настоящего времени	- текстообразующая (организация сюжета);
Повествование с глаголами в настоящем/будущем времени	глаголы прошедшего времени совершенного вида (аорист); глаголы настоящего/будущего времени; глаголы настоящего времени 1-го лица;	- текстообразующая (организация сюжета); - изобразительно-выразительная: оживление повествования; - создание художественного образа; - текстообразующая: выражение авторского присутствия в тексте;
Повествование с экспозицией в прошедшем времени	глаголы прошедшего времени совершенного вида (аорист); глаголы прошедшего времени несовершенного вида (имперфект);	- текстообразующая – организация сюжета; - текстообразующая – организация экспозиции (обрамления);
Повествование с экспозицией в	глаголы прошедшего времени	- текстообразующая – организация сюжета;

<p>настоящем времени</p>	<p>совершенного вида (аорист); глаголы настоящего времени;</p>	<p>- текстообразующая – организация экспозиции (обрамления);</p>
<p>Повествование с элементами описания в прошедшем времени</p>	<p>глаголы прошедшего времени совершенного вида (аорист); глаголы прошедшего времени несовершенного вида (имперфект); глаголы прошедшего времени совершенного вида (перфект);</p>	<p>- текстообразующая (организация сюжета); текстообразующая - изобразительно-выразительная; текстообразующая – организация описания (изобразительно-выразительная);</p>
<p>Повествование с элементами в настоящем/будущем времени</p>	<p>глаголы прошедшего времени совершенного вида (аорист); глаголы настоящего/будущего времени;</p>	<p>- текстообразующая (организация сюжета); - изобразительно-выразительная: оживление повествования;</p>
<p>Повествование с элементами рассуждения</p>	<p>глаголы прошедшего времени совершенного вида (аорист); глаголы настоящего/будущего времени</p>	<p>- текстообразующая (организация сюжета); - текстообразующая (организация рассуждения)</p>